

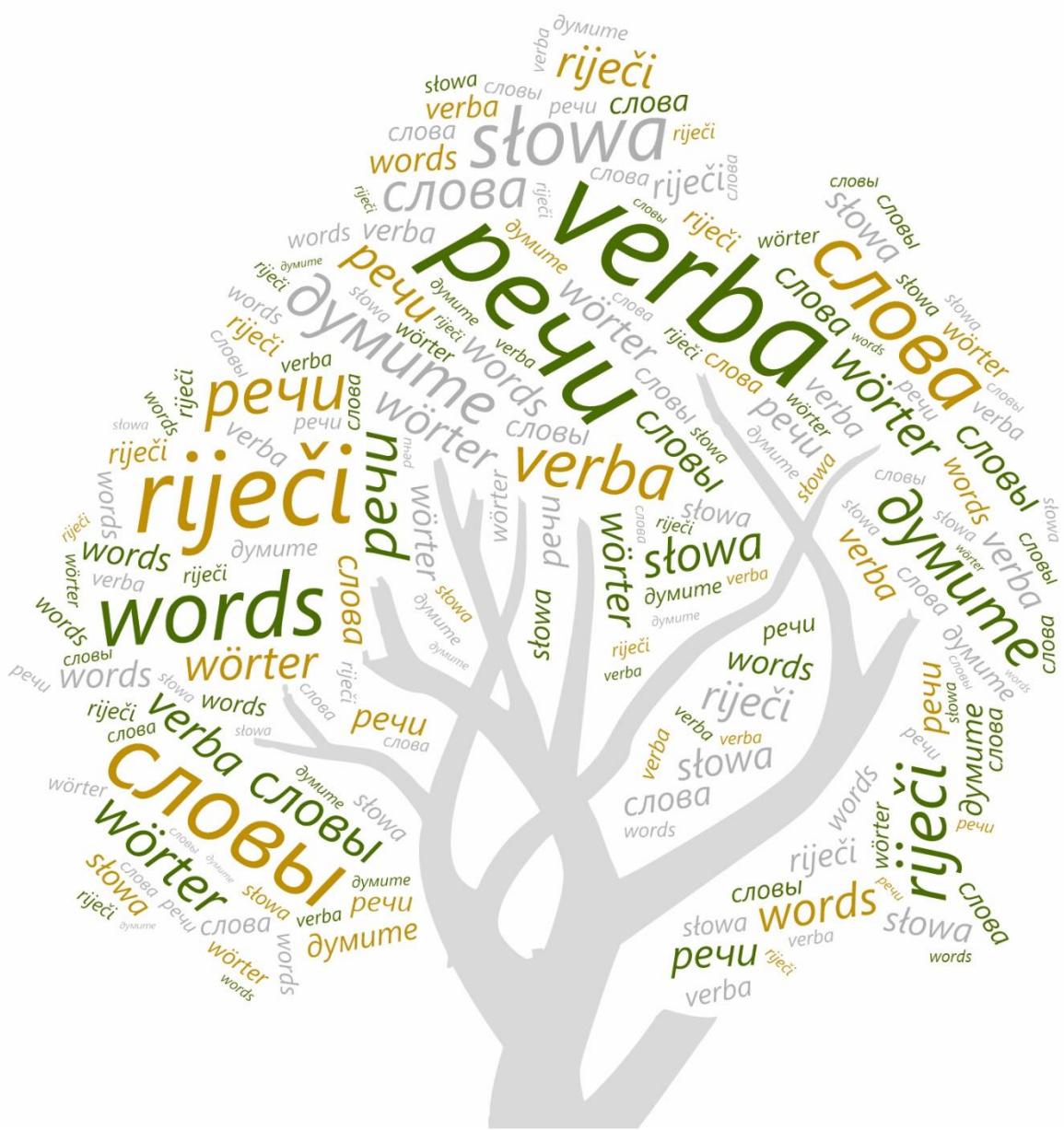

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Verba

Северо-Западный лингвистический журнал

Nº 2(16) 2025

ISSN 2713-0665 (Online)

(16+)

Verba. North-West Linguistic Journal

online journal

2(16) 2025

ISSN 2713-0665 (Online)

Extract from the register of registered mass media
EI № FS 77-80208 of 22.01.2021. The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor)

Founded: 2021

Frequency: at least 4 times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University" (NovSU)

ADDRESS OF THE FOUNDER AND PUBLISHER

173003, Russia, Veliky Novgorod,
B. Sankt-Peterburgskaya St., 41
tel.: +7 (8162) 62-72-44
e-mail: novsu@novsu.ru

CORRESPONDING ADDRESS

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
173003, Russia, Veliky Novgorod,
B. Sankt-Peterburgskaya St., 41, of. 1305
tel.: +7 (8162) 33-88-30 (ext: 2294)
e-mail: verba@novsu.ru

Website of edition: <https://verba.press>

Translation editor: O. Navolotskaya

Cover design: V. Fromov

Layout: T. Grigorieva

Website creation: A. Nee

Release date: 30.06.2025

© NovSU, 2025

© Authors of articles, 2025

All rights reserved

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

T.V. Shmeleva, Doctor of Philology, Professor
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

Members of Editorial Board

V.I. Makarov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

A. Bierich, Doctor of Philology, Professor
University of Trier, Trier, Germany

H. Walter, Doctor of Philology, Professor
Ernst-Moritz-Arndt University of Greifswald,
Greifswald, Germany

V.L. Vasiliev, Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Philology
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

V.I. Zaika, Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Philology
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia

V.I. Koval, Doctor of Philology, Professor
Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus

K. Kusal, Doctor of Philology, Professor
Humanitarian and Economic Academy in Lodz,
Lodz, Poland

V.I. Mokienko, Doctor of Philology, Professor
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

T.G. Nikitina, Doctor of Philology, Professor
Pskov State University, Pskov, Russia

B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus

M. Rak, Doctor of Philology, Professor
Jagiellonian University, Krakow, Poland

Zh. Fink, Doctor of Philology, Professor
University of Zagreb, Zagreb, Croatia

Содержание**Content**

От главного редактора.....	4	From Editor-in-Chief.....	4
----------------------------	---	---------------------------	---

Новое в лексике / New in vocabulary

«Они опора институций»: Скуф как лингвокультурный типаж и ключевое слово текущего момента		“They are support of institutions”: Skuf as linguocultural type and present-moment keyword	
<i>Н. В. Козловская, А. С. Павлова</i>	7	<i>N. V. Kozlovskaya, A. S. Pavlova</i>	7
Прилагательное <i>соевый</i> и его лексикографическое представление		Adjective <i>soevyi</i> and its lexicographic analysis	
<i>Е. В. Парышева</i>	22	<i>E. V. Parysheva</i>	22

Грамматические аспекты неологии / Grammatical aspects of neology

Фразы-мемы как источник неологизмов		Phrases-memes as source of neologisms	
<i>Т.И. Стексова</i>	35	<i>T. I. Steksova</i>	35
Префиксoidы как средство выражения оценочности		Prefixoids as evaluation means	
<i>Н. И. Коновалова</i>	46	<i>N. I. Konovalova</i>	46
Аналитические наречия		Analytical adverbs	
<i>Т. В. Шмелева</i>	58	<i>T. V. Shmeleva</i>	58

Научная жизнь: хроника, обзоры, рецензии / Scientific life: chronicle, reviews

Русские неологизмы на поверхности языка: свежий срез. Рецензия на: <i>Неология. Неография. 2024: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская;</i> <i>Институт лингвистических исследований РАН.</i> <i>Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 224 с.</i>		Russian neologisms on linguistic surface: fresh perspective. Review of: <i>Neology. Neography. 2024: collection of scientific articles.</i> Ed. by N. V. Kozlovskaya; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: ILS RAS, 2025. 224 p.	
<i>Е. В. Осетрова</i>	69	<i>E. V. Osetrova</i>	69

От главного редактора

V Дорогие коллеги, авторы и читатели!

Перед вами очередной, надеюсь, традиционный **неологический** номер журнала. Его тема задана в предыдущем номере – информацией о ежегодной конференции «Неология. Неография – 2024», которую проводят в Институте лингвистических исследований РАН в Петербурге. В этом номере (начнем с конца) публикуется рецензия на сборник статей, подготовленный участниками конференции по ее итогам; рецензия подготовлена доктором филологических наук из Красноярска Еленой Валерьевной Осетровой, представляя взгляд со стороны. Так что наш журнал максимально полно информирует о конференции, на которой обсуждается актуальное состояние русского языка и в которой заинтересовано лингвистическое сообщество.

Публикуемые в этом номере журнала статьи представляют проблемы неологии в двух аспектах – лексическом и грамматическом.

Рубрику «**Новое в лексике**» составляют статьи профессиональных неологов – сотрудников Института лингвистических исследований. Сюжеты статей – классика неологии. В статье *Натальи Витальевны Козловской и Алины Павловой* «“Они опора институций”: скуф как лингвокультурный типаж и ключевое слово текущего момента» рассматривается действительно новое слово, не имеющее прецедентов, хотя уже освоившее деривационные механизмы русской грамматики. А *Екатерина Парышева* предлагает наблюдения над словом, как будто бы знакомым и не таким уже популярным, но обнаружившим новое значение. Таким образом, эта рубрика представляет факты обновления лексики и в плане появления новых слов, и в плане обогащения значений функционирующих.

Рубрика «Грамматические аспекты неологии», которую составили три статьи, предъявляют довольно разные факты, объединяемые тем, что в них проявляется действие грамматики, не стоящей в стороне от процессов обновления лексики. В статье Татьяны Ивановны Стексовой из Новосибирска показано, как потребности лексики преодолеваются межуровневые границы, и целые предложения, которым согласно традиционным представлениям не свойственно быть номинативными единицами, становятся таковыми. В статье Надежды Ильиничны Коноваловой из Екатеринбурга обсуждаются факты противоположного свойства – как морфоподобные сегменты, а точнее – префиксoidы, приобретают статус слова. В своей статье мне хотелось бы показать, что наблюдения над вдруг ставшими популярными наречными конструкциями выводят на фундаментальную проблему аналитизма в русском языке, которая, как кажется, рассматривалась в плане обновления лексикона. Таким образом, в рубрике представлены три

грамматических явлений, которые потребности пополнения лексики включают в неологические техники.

Итак, предлагаемый вашему вниманию номер объединяет университетских и академических лингвистов Великого Новгорода, Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска и Красноярска, расширяя его географию: помимо Северо-Запада России она включает Урал и Сибирь.

Сердечно благодарю всех авторов номера и его рецензентов – докторов филологических наук Викторию Генриховну Дидковскую из Великого Новгорода, Валерия Анатольевича Ефремова из Петербурга, Татьяну Ивановну Стексову из Новосибирска.

До новых встреч на электронных страницах нашего журнала!

T. V. Шмелева

Letter from the Editor-in-Chief

Dear colleagues, authors and readers!

Before you is another, hopefully traditional, **neological** issue of the journal. The theme was announced in the previous issue – information about the annual conference “Neology. Neography – 2024,” held at the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg. This issue (starting from the end) features a review of the collection of articles prepared by the conference participants based on its outcomes. The review was written by Doctor of Philology *Elena V. Osetrova* from Krasnoyarsk, providing an external perspective. Thus, our journal offers the most comprehensive coverage of the conference, which explores the current state of the Russian language and is of great interest to the linguistic community.

The articles published in this issue of the journal address the topic of neology from two perspectives – lexical and grammatical.

The **New in Vocabulary** section features articles by professional neologists, researchers from the Institute of Linguistic Studies. The topics covered are classic themes within the field of neology. In their article, *Natalia V. Kozlovskaya* and *Alina S. Pavlova* examine a truly novel word with no known precedents – *skuf* – as a linguacultural type and a key word of the present moment. Despite its novelty, *skuf* has already integrated into the derivational system of Russian grammar. Meanwhile, *Ekaterina V. Parysheva* offers insightful observations on a word that, although somewhat familiar and not widely popular, has acquired a new meaning. Thus, this section demonstrates vocabulary renewal both through the emergence of new words and the enrichment of meanings of existing ones.

The **Grammatical Aspects of Neology** section, which consists of three articles, presents quite diverse phenomena, united by the fact that they demonstrate the action of grammar, not standing aside from the processes of vocabulary renewal. The article by *Tatyana I. Steksova* from Novosibirsk shows how vocabulary needs overcome interlevel boundaries, and whole sentences, which according to traditional views are not characterized as nominative units, become such. The article by *Nadezhda I. Konovalova* from Yekaterinburg discusses facts of the opposite nature – how morphological segments, or more precisely – prefixoids, acquire the status of a word. In my article, I would like to show that observations of suddenly popular adverbial constructions lead to the fundamental problem of analyticism in the Russian language, which, it seems, was considered in terms of vocabulary updating. Thus, the section presents three grammatical phenomena that vocabulary renewal needs include in neological techniques.

Thus, the issue offered to your attention unites university and academic linguists from Veliky Novgorod, St. Petersburg, Yekaterinburg, Novosibirsk, and Krasnoyarsk, expanding its geography: in addition to the North-West of Russia, it includes the Ural and Siberia.

I sincerely thank all the authors of the issue and its reviewers – Doctors of Philology Victoria G. Didkovskaya from Veliky Novgorod, Valery A. Efremov from St. Petersburg, Tatyana I. Steksova from Novosibirsk.

Until next time on the electronic pages of our journal!

T. V. Shmeleva

НОВОЕ В ЛЕКСИКЕ / NEW IN VOCABULARY

«Они опора институций»: Скуф как лингвокультурный типаж и ключевое слово текущего момента

Н. В. Козловская, А. С. Павлова

“They are support of institutions”: Skuf as linguocultural type and present-moment keyword

N. V. Kozlovskaia, A. S. Pavlova

Наталья Витальевна Козловская – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: mnegolosbyl@gmail.com

Алина Сергеевна Павлова – младший научный сотрудник; Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: alina_pavlova@mail.ru

Статья поступила: 19.05.2025. Принята к печати: 25.06.2025.

В статье представлен анализ текстового, лексического и грамматического аспектов функционирования неологизмов *скуф*, *скуфина* и ряда производных. Развиты и конкретизированы выдвинутые в отечественной лингвистике положения о ключевых словах настоящего момента. Проанализировано и охарактеризовано функционирование неологизмов с корнем *скуф-* в современном медиатексте: вынесение в позицию заголовка, частота употребления, расширение деривационного потенциала, включение в языковую игру. Характеристики основаны на изучении текстов из прессы и интернет-ресурсов. Выявлены и описаны основные черты лингвокультурного типажа *скуфа*, сформированного в коллективном сознании современного общества.

Ключевые слова: неологизм, ключевое слово текущего момента, частота, лексикографирование, рост словообразовательного потенциала, словотворчество, лингвокультурный типаж

УДК 811.161.1:81'42

Natalia V. Kozlovskaia – Dr. Sci. in Philology, Leading Researcher; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-7272-7979

Alina S. Pavlova — Junior Researcher; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0009-0001-5452-5166

Received: 19.05.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

This article offers an analysis of the textual, lexical, and grammatical aspects of the neologisms *skuf*, *skufina*, and several related derivatives. It builds upon and refines existing theories in Russian linguistics regarding keywords of the present moment. The study investigates the use of neologisms with the root *skuf-* in contemporary media texts, focusing on their usage in titles, frequency, expansion of derivational potential, and inclusion in language play. The analysis is based on a corpus of texts drawn from press and online sources. The main characteristics of the linguocultural type *skuf*, as formed in the collective consciousness of modern society, are identified and described.

Keywords: neologism, present-moment keyword, word frequency, lexicographic description, growth of word-formation potential, word creation, linguocultural type

OECD: 6.02OY

V

Постановка проблемы. В статье ставится проблема многоаспектного анализа слова *скуф*, которое обладает лексическими, грамматическими и текстовыми признаками ключевого слова текущего момента. Анализ слов, формирующих вокруг себя своеобразное «поле неогенности», важен в аспекте своевременного и полного отражения новообразований различного типа (неологизмы языка и речи) в современной русской академической неографии. Кроме того, на основе анализа текстов, содержащих самохарактеристики и характеристики скуфов, осуществлена попытка описания нового лингвокультурного типажа, который входит в персонологию современной массовой культуры.

История вопроса. Термин «ключевое слово текущего момента» введен в научный оборот Т. В. Шмелевой, определившей сущностные признаки такого слова с позиции трех аспектов: текстового, лексического и грамматического [Шмелева, 1993; Шмелева, 2009]. Важными характеристиками ключевых слов является повышение деривационной активности, рост частоты, расширение парадигматических и синтагматических связей. «Такие слова становятся объектом активной и массовой языковой рефлексии, появляется масса дефиниций» [Шмелева, 2009, с. 63].

Этот социолингвистический феномен подробно описан и актуализирован в работах Е. И. Головановой [Голованова, Маджаева, 2020], Е. А. Земской [Земская, 1996], С. В. Ильясовой [Ильясова, 2014; Ильясова, 2018], А. Н. Сперанской [Сперанская, 2021]. Е. А. Земская считает определяющими качествами ключевого слова высокую частотность и словообразовательную активность и выделяет два типа ключевых слов: слова, активные в течение короткого времени, «действующие подобно взрыву или вспышке» [Земская, 1996, с. 92], и слова, активные в течение длительного времени (год и больше), «они более показательны для эпохи, т. к. называют явления, характеризующие ее более глубоко» [Там же]. Уточним, что речь может идти как об актуализированной лексике, так и о неологизмах.

А. Н. Сперанская предлагает называть «словами ключевой ситуации» частотную лексику, связанную с важнейшими событиями новейшего периода [Сперанская, 2021]. Е. И. Голованова с целью обозначения социально значимых и информационно насыщенных номинативных единиц использует понятие «словарь эпохи» [Голованова, Маджаева, 2020].

Понятие лингвокультурного типажа сформировалось в рамках научного направления, связанного с изучением характеристик языковой личности [Карасик и др., 2009], послуживших базой для построения типажей, формирующих персонологию культуры.

Методология и методика исследования. Задачи статьи – анализ групп новой лексики, возникших в связи с формированием нового лингвокультурного типажа и зафиксированных в академической оперативной неографии. Решение этих задач служит более общей цели: актуализировать понятие «ключевое слово текущего момента» и проанализировать лингвокультурный типаж «скуф» с углубленным анализом его ментально-ценостных установок, значимых для понимания

современной русской массовой культуры. Поставленные задачи обусловили использование методов и методик исследования.

В целях многоаспектного анализа лексемы *скуф* и ее производных авторами статьи использованы методы корпусной лингвистики, цифровые статистические ресурсы Яндекса и аналитические инструменты медиабанка Интегрум. Изучение текстового аспекта ключевых слов и анализ составляющих лингвокультурного типажа осуществлены с помощью метода наблюдения, метода классификации с применением лексико-семантического анализа.

Анализ материала. Одним из самых заметных и обсуждаемых лингвистических объектов последних лет стало слово *скуф* и сформировавшееся вокруг него словообразовательное гнездо. В публичных дискуссиях *скуф* определяется как тип современного мужчины: неопрятный, неинтересный, несовременный, мало зарабатывающий, не следящий за своей внешностью.

Интерес общества к человеческим типам увеличивается на фоне изменения социальных и экономических условий и роста межличностных и межпоколенческих различий.

Скуф как лингвокультурный типаж начал формироваться в интернет-коммуникации в 2022 году (в 2021 г. слово зафиксировано в контексте с ненормативной лексикой)¹.

С деривационной точки зрения лексема *скуф* представляет собой достаточно нестандартный случай отонимного словообразования – усечение от русской фамилии *Скуфъин*: прообразом скуфа стал Алексей Скуфьин – популярный среди интернет-аудитории создатель и модератор форума на сайте «Двач», блогер, внешность которого стала ассоциироваться с таким мужским типажом, см. зону энциклопедической справки в ресурсе Neolex².

Отметим, что многие люди, не знающие о происхождении слова, считают его английским заимствованием, о чем свидетельствуют данные экспресс-опроса, проведенного среди студентов II курса филологического факультета одного из петербургских вузов (около 50 человек).

В 2024 году увеличивается частота использования слова, рост частоты сопровождается повышением словообразовательной активности слова. Интерес общества к слову и стоящему за ним лингвокультурному типажу можно оценить с помощью аналитического инструмента «Яндекс Вордстат», отражающего статистику поисковых запросов с учетом всех возможных форм запрашиваемых слов в динамике и по регионам.

Запрос «скуф» в динамике по месяцам отразил фазы роста, падения и повторного резкого роста количества обращений к поисковой системе по всем регионам РФ в период роста частоты запросов с июля 2023 по июнь 2025 г. (рис. 1).

¹ Кто такие «скуфы»? 2ch.hk. 17.07.2021.

² URL: <https://neolex.iling.spb.ru/>

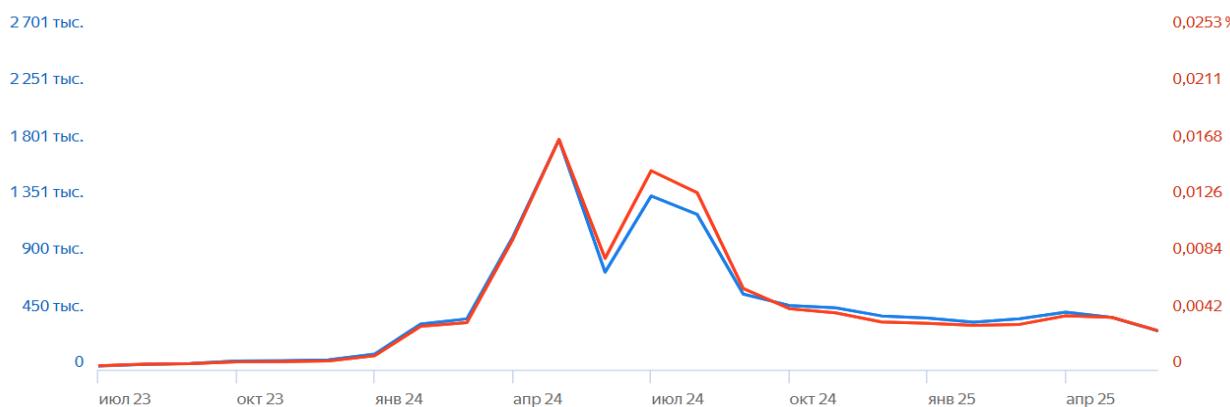

Рис. 1. Данные ресурса «Яндекс Вордстат» по запросу «скуч» (аналитический инструмент «Динамика»). Синим обозначено число запросов, красным – доля от всех запросов в ресурсе.

Рост частоты употребления и деривационная активность слова. Поиск в медиабанке «Интегрум» подтверждает факт роста частоты слова и его производных: по запросу «скуч» в 2022 г. в медиабанке – 139 вхождений, в 2023 г. – 391, а в 2024 году – уже 7166 документов, в 2025 г. намечается тенденция к снижению: в начале июля количество вхождений – 2750.

Взрывной рост частоты в 2024 г. отражает статус неолексемы как ключевого слова текущего момента. Важным показателем социолингвистической значимости лексической единицы является ее словообразовательная активность. Отметим, что лексикографирование гнезда ведется с 2021 г. в онлайн-базе Института лингвистических исследований РАН. Цифровой лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы»³, реализующий богатую функциональность в области поиска и структуризации разноспектной информации о новом слове, воплощает инновационное начало, включая новое слово или словосочетание в систему лексико-семантических связей. В набор лексикографических параметров ресурса входят: хронологический маркер единицы, тип неологизма (слово, словосочетание, значение), грамматическая информация, лексико-семантические связи, семантическая структура слова, иллюстрация (библиографированная цитата), словообразовательная справка, краткие сведения энциклопедического характера. В ресурсе возможны полнотекстовый поиск по глоссарию и поиск по первым компонентам сложных слов [Ридецкая, 2024, с. 40].

В названном ресурсе на момент написания статьи представлено большое словообразовательное гнездо лексемы *скуч* (15 слов) с хронологическим параметром 2021–2025 гг. Деривационный потенциал слова реализуется в лингвокреативных речевых актах, отражающих поиск новых средств выразительности.

Помимо нетипичной словообразовательной структуры, существительное *скуч* как самостоятельная лексема и как мотивирующая основа демонстрирует и другую особенность, связанную с ее зарождением и распространением в сфере интернет-коммуникации (первоначально в сленговом сегменте, в рамках специфического дискурса), – тенденцию к лексикализации интернет-мемов и последующей непрерывно нарастающей частотности и продуктивности

³ URL: <https://neolex.ilin.spb.ru/>

образованных таким образом лексических единиц, их воспроизведимости и варьированию в процессе языкового и речевого творчества носителей языка, а также к семантическим трансформациям. Так, в 2021–2023 гг. от неологизма *скуф* образуется целый ряд производных, среди которых можно обнаружить единицы разных частей речи, причем в деривации задействован очень широкий спектр словообразовательных средств (включающий как продуктивные, так и непродуктивные и окказиональные форманты), часто обогащающих семантику этих лексем экспрессивной коннотацией: *дескуфизация, оскуфение, оскуфеть, оскуфиться, оскуфынивание, скуфидон, скуфизация, скуфство, соскуфиться* и др.

Лингвокультурный типаж опирается на признак «типизируемости определенной личности, значимости этой личности для культуры» [Карасик, 2009, с. 191]. Культурно-диагностическая значимость нового социотипа подтверждается своеобразным переносом «скуфских» черт на женский тип, что нашло отражение в синонимичных неологизмах *женщина-скуф, скуфесса* (жарг. неодобр., также ирон. ‘О консервативной женщине зрелого возраста (более 35 лет), обычно неряшливой, неспортивной, недеятельной’), *скуфиня, скуфыня, скуфиха и скуфка*. Слова *скуфиня* и *скуфка* интересны тем, что суффиксы такого типа характерны для новых феминитивов (авторка, профессорка, психологиня, режиссерка) и, возможно, распространились на обозначения женщин-скуфов.

Как только выдуманное оскорбление обрело известность не только в сети, слово приобрело производные. Так, например, «скуфка» или «скуфесса» – то же самое, что «скуф», только о женщине⁴; Скуфыня – заботливая мать, любящая жена, смотрит телевизор, готовит и копается в огороде. Не следит за фигурой, но носит одежду для стройняшек. С такими женщинами скучно жить⁵; Скуфини никогда не имеют своего мнения, они привыкли ориентироваться на тех, кто обладает наибольшим влиянием. Это, как и лояльность руководству, является следствием выученной беспомощности и низкой внешней самооценки⁶.

Процесс образования существительных женского рода от неологизма, в семантическую структуру которого входит компонент ‘мужчина’ (и который изначально ассоциируется с конкретным, реально существующим лицом мужского пола), отражает семантические изменения, которым подвергаются дериваты от основы *скуф*. Это позволяет говорить о популярности социального типажа и возможности его обобщения, распространения характерного для скуфа образа жизни на лиц женского пола, другого возраста (в цитатах можно встретить упоминания молодых людей, которые, по мнению говорящего, *соскуфились*) и т. п.

С. В. Ильясова указывает на такой важный аспект функционирования ключевого слова, как лавинообразное словотворчество [Ильясова, 2014, с. 60], реализующее креативный потенциал языка. Помимо перечисленных, примеров, реализующих креативное начало, нами обнаружено немного, но они весьма

⁴ Куренова А. Совсем соскуфились. Проверьте, кто вы на языке современной молодежи – симпы, нормисы, анки? *Комсомольская правда*. 29.10.2024. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/27652/5003549/>

⁵ Альтушка, скуфыня, гаргулья и шкатулка – женщины, которые «портят своим мужикам жизнь». *Ростов Главный – новости Ростова-на-Дону – 161*. 08.09.2024. URL: https://vk.com/wall-54841713_1449972

⁶ Скуфиня: женщина за 30, которая пыталась угодить всем и забыла о себе! *Кочерышкин*. 13.02.2025. URL: <https://dzen.ru/a/Z623XvRDfU9dczli>

показательны: *заскуфиться, поскуфеть, скуфандр, скуфариться, скуфец, скуфидон, скуфяра, соскуфиться*.

Существование многочисленных синонимичных вариантов номинаций лексем этого гнезда (например, *скуф / скуфидон, скуфесса / скуфиня / скуфиха / скуфыня, оскуфеть / оскуфиться / соскуфиться*) позволяет предположить, что основной целью создания таких неологизмов является не потребность в именовании денотата, а языковая игра, осуществляющаяся в рамках онлайн-коммуникации, что делает процесс неологизации более ярким и наглядным для носителя языка, который при желании тоже может включиться в эту игру и стать автором нового слова, и исследователя.

В стихотворении Владислава Бохана комический эффект строится на «нанизывании» авторских словообразовательных неологизмов, в том числе с редкими аффиксами:

*Я скуф, скуфидон, скуфентий
 Не живу, но я жру в моменте
 Я скуф, скуфарь, скуфилини
 Я будто бы кит, я все время синий
 Я скуф, скуфидон, скуфентий
 Не живу, но я жру в моменте
 Я скуф, скуфидон, скуфец
 Попробуй не соскуфится, когда в мире ***...⁷*

Бохан Владислав (2023)⁸

Анализ частоты и деривационной активности слова позволяет сделать наблюдение о том, что в течение нескольких лет произошло значительное расширение содержательного наполнения понятия, а словá, его репрезентирующие, стали ключевыми словами текущего момента. Деривационная активность чаще всего определяется окказиональным словообразованием и реализуется преимущественно в интернет-дискурсе.

Текстовый аспект ключевого слова и явление дискурсивной миграции. Характеризуя текстовый аспект функционирования слова *скуф* и его производных, нельзя не отметить рост частоты использования слов нового гнезда в медиадискурсе, в том числе в сетевой коммуникации – в частности, в зоне комментариев, а также в интернет-поэзии.

Состав ключевых слов текущего момента во многом определяется фактом и степенью их использования в качестве вербальной составляющей мемов, отражающих культурные стереотипы и явления современной действительности. Это обусловлено тем, что проникновение мемов в сетевой дискурс является одним из важнейших факторов формирования современной русской ментальности, ключевым социально-культурным явлением, которое может существенно расширить представление о современной социолингвистической ситуации.

⁷ Здесь и далее во всех цитатах орфография, пунктуация, а также лексические, грамматические и стилистические особенности текста приводятся без изменений.

⁸ URL: <https://stishi.ru/2023/04/04/4944>

Выйдя за пределы арго сравнительно небольшого интернет-сообщества, «скуф-лексемы» вошли в вербальную часть мемов, связанных с одноименным типажом. Показательны примеры текстов, которые являются вербальной частью мемов-картинок:

У скуфов нет цели, у них есть только пу-пу-путь (pikabu.ru).

Рейтинг самых милейших существ на нашей планете: 1. Кошки. 2. Альпаки. 3. Скуфы (dzen.ru, 14.06.2025).

Разговор двух древних воинов (подпись к картинке):

- Виталик, ну сколько можно?! Мы скИфы, а не скуфы!
- Давай по пиву и го в танки! (idaprikol.ru).

Мем – изображение двух списков слов, противопоставляющих сознание нормального человека (нарисован справа) и человека, узнавшего слово скуф (нарисован слева): соскуфился – состарился, скуфонулся – облысел, растолстел – скуфировался, раскабанел – оскуфился, заплыл – скуфинизировался, опух – скуфовался, неухоженный – скуфыня, щекастый – скуф, тучный – скуфидон.

Своебразная дискурсивная миграция слов анализируемого гнезда связана с переходом из языка интернет-сообщества и вербальной составляющей мемов в публицистику, массовую поэзию и в маркетинговый дискурс.

В связи с актуализацией понятия на сайтах маркетплейсов появилось большое количество товаров, связанных с анализируемым лингвокультурным типажом: футболки с надписями *скуфандр* (языковая игра, основанная на контаминации скуф + скафандр и актуализации семантических компонентов ‘предназначенный для защиты, изоляции от чего-либо’), *главный скуф*, *заслуженный скуф*, *главный скуф в доме*, *скуф решает все*, *скуфозавр* и мн. другие (рис. 2).

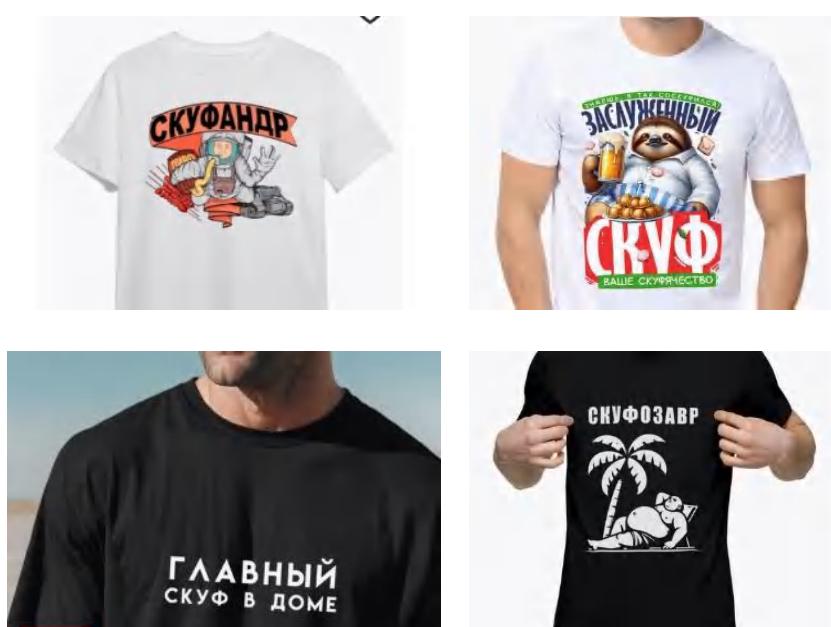
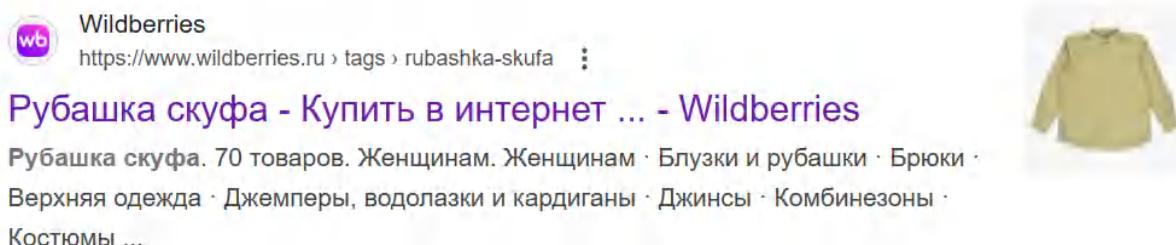

Рис. 2. Использование понятия «скуф» на одежде.
Фотографии взяты с сайта маркетплейса «Вайлдберриз» (wildberries.ru).

Однотонные хлопчатобумажные рубашки «скучных» цветов и фланелевые рубашки в крупную клетку продаются с маркировкой «Рубашка скуфа» (рис. 3).

Wildberries
<https://www.wildberries.ru> › tags › rubashka-skufa

Рубашка скуфа - Купить в интернет ... - Wildberries

Рубашка скуфа. 70 товаров. Женщинам · Женщинам · Блузки и рубашки · Брюки · Верхняя одежда · Джемперы, водолазки и кардиганы · Джинсы · Комбинезоны · Костюмы ...

Рис. 3. «Рубашка скуфа».

Одежда становится важным признаком, на основе которого в коллективном сознании современного общества дополняется представление о лингвокультурном типаже. Так, в 2024 г. к образу скуфа добавилась белая рубашка с капюшоном, а в 2025 г. список атрибутов, ассоциируемых с типажом скуфа, значительно расширился:

Униформу скуфов массово скупают на маркетплейсах. Белая рубашка с капюшоном – атрибут высокой моды российских туристов за 40. Мужики гуляют в таких на российских и зарубежных курортах, а еще устраивают в них яркие фотосессии⁹;

Названа самая «скуфская» одежда <загл.>. Белые носки с сандалиями признаны самой «скуфской» одеждой. Об этом «Газете.Ru» рассказала пресс-служба сервиса по выкупу и доставке товаров из-за рубежа CDEK.Shopping, которая провела опрос. Самой «скуфской» одеждой опрошенные назвали сочетание белых носков и сандалий (74%). За треники с вытянутыми коленками проголосовали 63% участников опроса, за синтетические спортивные костюмы из 1990-х – 46%, а за рубашки с «деревенским» узором – 43%. При этом больше половины россиян (56%) признались, что в их гардеробе были «скуфские» вещи, но они либо выкинули их, либо носят только на даче. 28% опрошенных заявили, что у них нет такой одежды, но они знакомы с теми, кто ее носит. По словам 29% респондентов, люди ходят в «скуфских» вещах, поскольку им все равно на свой внешний вид. Еще 22% опрошенных считают, что такую одежду носят те, кто не следит за трендами¹⁰.

Кроме одежды, лингвокультурный типаж отражен в карточках других товаров: грамота «Скуф года» и «Удостоверение скуфа». Приведем фрагменты описания товаров:

Цвет: бронза. Шуточная грамота: идеальный подарок для коллег и друзей, сотруднику и другу – это отличный способ порадовать своих коллег, друзей или близких! Этот уникальный сувенир станет прекрасным подарком на любой праздник. Диплом с шуточным текстом можно повесить в рамке на стену, поставить на полку или стол.

Удостоверение «Скуфа» имеет размеры 67x96 мм и изготовлено из картона, что делает его легким и удобным в использовании.

⁹ Униформу скуфов массово скупают на маркетплейса. Топор. 03.09.2024. URL: https://vk.com/wall-184225789_21023883?ysclid=mfavbljs9u155602804

¹⁰ Избаш И. Названа самая «скуфская» одежда. Газета.ru. 23.04.2025. URL: <https://www.gazeta.ru/style/news/2025/04/23/25619594.shtml>

Использование слова в маркетинговом жанре карточек, вторичном по отношению к жанру грамот и удостоверений, свидетельствует о том, что лингвокультурный тип является узнаваемым, привычным в языковом сознании русской языковой личности новейшего периода.

В 2024–2025 гг. слово *скуф* зафиксировано в художественных текстах и в популярной публицистике: *Я – скуф, такой же как ты, но в то же время совершенно другой, потому что все мы разные. Почитай мою историю и вспомни свою, послушай мои мысли и подумай о своих, проследи мой путь и пройди свой собственный, обходя грабли, на которые я наступил.* Николай Комаренковский. Манускрипт *скуфа*. Россия, ЛитРес, 2025.

Скуфно живешь, Мишань... Он довольно зажал над своим каламбуром. <...> Конечно, мужчина должен быть выше мелких подколок, но скуфа Михаил ему еще не скоро забудет. Муля Каракуля. *Скуф и спорт.* Россия, SelfPub, 2025.

Рассказ посвящается памяти моего друга, принявшего описанные несчастья, отчасти благодаря своему мировоззрению. Дмитрий Артемов. Отходная успешного «*скуфа*» (из записок клинического психолога). Россия, SelfPub, 2025.

Лингвокультурный типаж *скуфа* ярко представлен в современной интернет-поэзии. Образ сформировался как пародийный, с несколько гипертрофированными свойствами, поэтому в текстах часто используются приемы языковой игры – например, различные трансформации прецедентного текста. Одним из объектов «поэтической трансформации» (точнее сказать, переделки) является стихотворение А. Блока «*Скифы*»: фоносемантический механизм языковой игры основан наозвучии слов (отметим, что использование этого механизма в целях контекстуального шутливого или иронического обыгрывания значений лексем *скуф* и *скиф* регулярно фиксируется в интернет-дискурсе, ср. приведенный выше пример: — *Виталик, ну сколько можно?! Мы скИфы, а не скУфы!*).).

*Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скуфы – мы! Да, жиробасы – мы,
С усталыми и пьяными очами!
<...>*

*Придите к нам! От ужасов сети,
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – дети, меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!
А если нет – нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Не станем с внуками вам помогать,
Ростите сами вы свое потомство!
Мы широко по дачам и лесам
Перед молодежею пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своей альтернативной рожей!*

*Идите все, идите на завод!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит электрод,
И инклюзивною ордою!*

<...>

*В последний раз — опомнись, новый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сызваёт Скуфская сатира!*

Marirus¹¹

В стихотворении содержится попытка очертить складывающийся социотип скуфа как героя времени, отразившего противоречия постсоветской эпохи (*Мы помним все – и девяностых ад, До полугода без зарплаты... И дикой сказкой был для вас провал / И перестройки и Мавроди!*), как честного труженика (*Десятки лет наш старый горн ковал, / Что бы купить для вас Айфоны... Привыкли мы, хватаясь за резцы / И за деталь в станках токарных, / Руками останавливать валы...*), как хорошего отца и деда, помогающего «с внуками», как опору («щит») общества.

В стихотворении Alexis0807 развивается только тема переедания:

*Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скуфы – мы! Да, жиробасы – мы,
Мы жадно пиво пьем холодное ночами!
Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Съедали жирное и сладкое за вас
Свои отращивая жопы!*

Alexis0807¹²

В поэтической «переделке» Leprechaunlucky резко обозначено противостояние поколений:

*Миллионы – вас. Нас – рать! Насрать на вас, стиляги!
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скуфы – мы! Да, мы – олдфаги,
С незагорелыми пивными животами!
Вам рафф лавандовый, для нас – цейлонский чай.
Качаете в спортзалах друг для друга жопы,
А мы со скуфским золотом встречаем первомай
И нет нам дела до потерянной Европы!*

¹¹ URL: https://pikabu.ru/story/skufyi_stikhotvorenie_11731198

¹² URL: https://pikabu.ru/story/aleksandr_blok_ne_izdannyie_chernoviki_11612776

*В очередях стоите за айфоном,
А в наших сумках поясных,
Напару с кнопочным олдскульным телефоном,
Пара отверток крестовых,
Кусочек синей изоленты,
Три самореза, карандаш.
Мы не чета иноагентам,
А идеал для фитоняш.*

Leprechaunlucky¹³

Оппозиция «мы – вы» формируется с помощью текстовой антонимии: *скуфы / олдфаги – стиляги*. Отражен также «предметный мир» скуфа: кнопочный телефон, крестовые отвертки, изолента, три самореза, карандаш. Предметная лексика формирует образ мужчины «на все руки», приверженного традиционному образу жизни.

Лингвокультурный типаж в зеркале оценок и самооценок. Для лингвиста интересной представляется интерпретация рациональной и эмотивно-интуитивной программ, лежащих в основе мировоззрения тех, кого более молодые представители общества отнесли к скуфам. С этой целью авторами проанализированы комментарии к статьям рассматриваемой тематики, содержащие самооценку и самохарактеристику тех, кто назван скуфом / причисляет себя к скуфам, а также оценку скуфов со стороны тех, кто не относит себя к этому типажу. С содержательной точки зрения такие коллективные мнения можно разделить на 3 группы.

Первая группа реакций репрезентирует имеющееся у скуфа чувство стыда, неловкости, желание измениться. Отметим, что речь идет преимущественно о внешнем виде. С этой самооценкой связано понятие *дескуфизация*, которое зафиксировано в цифровом неологическом ресурсе «Новое в русской лексике. Словарные материалы»¹⁴ в 2021 году (к этому же понятийному ряду, вероятно, следует отнести и представленный в цитатном материале ниже неологизм *антискуф*):

дескуфизация, и, ж., сущ. О процессе выхода мужчины из состояния скуфа, включающем изменение образа жизни в пользу активного, работу над собственным телом, улучшение внешности и т. д. *Операция «Дескуфизация».* Наконец-то решился записаться в качалочку, главным образом для того чтобы согнать скуфидонский жир с лица, из ..тела.. слепить человеческое.. Где покупать шмот и какой, чтобы выглядеть уместно? .. Нужно ли заниматься с тренером? (2ch.life, 10.12.2021). *Дескуфизация в тренде <подзагл.>.* Зимой 2024 года в соцсетях стало набирать популярность слово «скуф» – так называют мужчин, которые перестали заботиться о своем внешнем виде, придерживаются консервативных взглядов и «скучных», на взгляд некоторых, хобби. Хотя популярность такого термина в некотором смысле объяснима с точки зрения психологии – подобное навешивание ярлыков помогает тем, кто это делает, обрести чувства контроля и безопасности, – но «быть скуфом» нравится не всем. Из-за этого в соцсетях начался тренд на «дескуфизацию»: мужчины, понимая, что их могут отнести

¹³ URL: https://pikabu.ru/story/blok_post_11604979

¹⁴ URL: <https://neolex.iling.spb.ru/node/29911>

к скуфам, решили приложить усилия, чтобы измениться к лучшему (psychologies.ru, 13.03.2024). Вчера мы показали вам немного чудес крышесносных «дескуфизации» от турецких пластических хирургов. Кажется, что все это какой-то фотшоп или нейросеть, ибо люди меняются так, что их почти нереально узнать. Но... нет, это все труды врачей (trinixy.ru, 29.05.2024). Парень похудел на 20 килограмм и нарастил мышечную массу, он назвал этот процесс «операция антискуф». Дескуфизация <подзагл.>. Когда парень задался целью похудеть, то он решил начать постепенно – сначала убрать из рациона мучное и сладкое, сократить употребление углеводов. Он сделал выбор в сторону овощей и фруктов, поэтому первые недели адаптации прошли мягко: большое количество блюд, разнообразный рацион и протеиновые батончики, которые закрыли потребность в сладком... Во время дескуфизации молодой человек не стал забывать на добавки и витамины – он принимал Омегу 3,6,9, L-carnitine, витамины Д, В, САА (mentoday.ru, 29.07.2024).

Словообразовательная справка: **де-** + **скуф** ($\phi \rightarrow \phi'$) + **-изаци(я);**
де- + **скуфизація** (о процессе превращения в скуфа (о мужчине)).

Анализ многочисленных контекстов показывает, что дескуфизация стала трендом: это улучшение внешности, избавление от лишнего веса, наращивание мускулатуры. Отметим важное: если в содержание понятия «скуф» (а также «скуфыня» и др.) входит мировоззренческая составляющая, то дескуфизация – это избавление от внешних признаков скуфа (пивной живот, облысение, лишний вес, немодная одежда) и изменение образа жизни в сторону более спортивного, молодежного: *На фоне популярности термина «скуф» парни, разглядевшие в себе Скуфына (особенно подходящие под описание скуфа внешне), запустили процесс дескуфизации. Простыми словами – изменили прическу, привели в порядок одежду, занялись спортом и сели на диету*¹⁵.

Исключение составляет рассказ об Алексее Скуфыне, содержащий указание на изменение мировоззрения (*спустя годы бывший модератор имиджборда успешно дескуфизировался – отказался от политических баталий и скинул вес*¹⁶).

Второй тип самохарактеристик – признание и принятие собственного несовершенства (своего рода смешанная, гибридная идентификация, которая не исключает стремление человека, ощущающего себя скуфом, к изменению, самосовершенствованию), ср., например: *Скуфский жим лежа, серия 6 <загл.>... Кто о чем, а я скуф. И лежа жму иногда. Пару раз в неделю даже, допустим... В двух словах, как любой скуф, я являюсь пузеносцем, а есть очень немного видов спорта, где пузеносцы в чести. В частности, одним из них является пауэрлифтинг, где, начиная с определенной весовой категории (а вес мой болтается на уровне 110 кг и это при росте-то чуть ниже среднего, а именно порядка 175 см), наличие пуга (за рядом исключений) является чуть ли не обязательным атрибутом. Но жим лежа в полном виде – это надо как минимум приседать, поэтому как настоящий скуф – только жим, только лайткор*¹⁷.

¹⁵ Кондратьева Т. Кто такие скуфы. Мужчины в Твиттере проводят дескуфизацию, избавляясь от лишнего веса. *Kursiv Media Казахстан*. 20.03.2024. URL: <https://kz.kursiv.media/2024-03-20/lfst-ttkn-skuf/>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Omnipeer. Скуфский жим лежа серия 6. *Pikabu.ru*. 31.10.2024. URL: https://pikabu.ru/story/skufskiy_zhim_lyozha_seriya_6_11969220

К этому же типу интерпретации относятся и первые попытки осмыслиения сложной, противоречивой сущности и многообразных характеристик социотипа скуфа, которые осуществляются уже не в форме самоидентификации, а в виде претендующего на объективность «взгляда со стороны», в том числе научного: ср., например, опубликованную на сайте психологов b17.ru статью «Кто такой Скуф? Скуф – психологический портрет человека, который “не в теме”»¹⁸ и комментарии к ней, отражающие неоднозначность интерпретации этого типажа обществом. Автор статьи перечисляет присущие скуфу, по ее мнению, признаки и психологические особенности, выявляет достоинства («нет стресса из-за соцсетей и моды», «的独特ое мышление – скуфы часто становятся изобретателями или художниками», искренность) и недостатки его личности (социальная изоляция, проблемы в карьере, сложности в отношениях) и приходит к выводу, что «Скуф – это не диагноз, а альтернативный взгляд на жизнь», характеризуя скуфу как уникальный психологический феномен, который «балансирует между “милый чудак” и “социальный аутсайдер”».

В то же время некоторые психологи в комментариях к статье выражают другую (близкую к той, которая сформировалась в языке и массовой культуре изначально) точку зрения на личность скуфа («как-то позитивно Вы, мне кажется, окрас в обществе более негативный... Иногда просто за внешность»; «...название “скуф” обидное» и т. п.).

Третий тип интерпретации понятия связан с восприятием образа скуфа в положительном ключе и предполагает выявление у этого социотипа позитивных свойств личности и достоинств, к которым участники интернет-форумов, авторы комментариев и т. п. причисляют надежность скуфа, его финансовое благополучие, стабильность жизненного уклада, спокойный характер, приверженность традиционным ценностям и др., а в некоторых случаях отмечается, что даже внешний вид скуфа может восприниматься положительно, иметь неочевидные преимущества:

Россиянкам назвали шесть причин строить отношения со скуфами <загл.>. Популярный российский блогер Илья Давыдов, более известный как Илья Мэддисон, назвал шесть причин, по которым девушкам стоит обращать внимание на скуфов. О преимуществах этой категории мужчин он порассуждал в своем Telegram-канале. По словам Давыдова, девушке с молодого возраста нужно искать для отношений именно скуфа. По мнению блогера, у этих людей есть работа, жилье и машина. Также скуфы имеют жизненный опыт, не стремится выяснять отношения без повода. «Ему лишь бы бахнуть пивка и в танки залпнуть», – уточнил блогер. Мэддисон добавил, что тактильный контакт со скуфами будет приятен, так как они «мягкие» из-за лишнего веса. Кроме того, он заявил, что такие мужчины не уходят из семьи, даже если имеют отношения на стороне, а также не выступают против рождения детей и совместных путешествий. «Но хорош не каждый скуф, конечно. Есть бракованные, в которых нет плюсов. Ищите того, что четкий, работящий», – дал совет девушкам блогер¹⁹.

¹⁸ Аверина С. Кто такой Скуф? Скуф – психологический портрет человека, который «не в теме». b17.ru. 02.06.2025. URL: https://www.b17.ru/article/kto_takoy_skuf_psihologicheskiy_portret

¹⁹ Большакова М. Россиянкам назвали шесть причин строить отношения со скуфами. Lenta.ru. 04.06.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/04/rossiyankam-nazvali-shest-prichin-stroit-otnosheniya-so-skufami/>

Самоидентификация скуфа в данном типе интерпретации может включать чувство гордости, причем такую точку зрения могут распространять известные личности, инфлюенсеры и т. п., что может способствовать изменению восприятия образа скуфа в общественном сознании в будущем:

Рэпер Баста, настоящее имя которого Василий Вакуленко, шокировал слушателей своим заявлением. В интервью он признался, что считает себя «настоящим скуфом» и планирует создать гимн для всех скуфов²⁰.

С этим типом самоидентификации связана цитата из стихотворения Рината Камалиева «Скуф», вынесенная в название статьи:

*Пускай над скуфами смеются
И ни во что не ставят их,
Они опора институций,
И что ни скуф – крутой жених.
Пока сидит в тик-таке зумер,
Скуф строит новенький квартал
И занят о России думой,
Когда немножечко устал.
Ему ни холодно ни жарко,
Что потешаются над ним,
Осознает себя подарком,
Хотя порой слегка бухим.*

Ринат Камалиев (2024)²¹

Выводы. Итак, слово *скуф* и его производные как ключевые слова текущего момента обнаруживают все признаки таких слов, выявленные в лингвистике: высокая частота употребления, рост словообразовательного потенциала, активное словотворчество и востребованность в лингвокреативных речевых актах, дискурсивная миграция, расширение сферы употребления, функционирование в заголовках и мемах. Слово преодолело статус речевого неологизма и должно быть отражено в неологическом десятилетнике. Вопрос о включении лексемы в академические толковые словари остается открытым.

Исследование коллективной языковой личности скуфа открывает возможность описания складывающегося лингвокультурного типажа с углубленным анализом его ментально-ценностных установок, значимых для понимания современной русской культуры.

Таким образом, проведенный анализ показал, что представленные в статье типы интерпретации понятия «скуф» отличаются разнообразием и демонстрируют как противоречивость восприятия образа скуфа в сознании носителя языка, так и незавершенность процесса оформления семантической структуры неологизма, которая не исключает дальнейших трансформаций как денотативных, так и коннотативных компонентов значения.

²⁰ Бизнес Инфо. 10.09.2024. URL: https://vk.com/wall-34168005_765695

²¹ URL: <https://stihi.ru/2024/11/19/2451>

Литература

Голованова, Е. И., & Маджаева, С. И. (2020). О словаре эпохи пандемии коронавируса. *Вестник Челябинского государственного университета*, 7(441), 48–55. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-10707>

Земская, Е. А. (1996). Активные процессы современного словоизводства. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* (с. 90–141). Москва: Языки русской культуры.

Ильясова, С. В. (2014). Ключевые слова-маркеры эпохи как объект языковой игры (на материале языка российских СМИ). *Границы познания*, 1(28), 60–62.

Ильясова, С. В. (2018). Ключевые слова и ключевые аффиксы в деривационных процессах современности (на материале языка российских СМИ). *Динамика языковых и культурных процессов в современной России*, 6, 254–258.

Институт лингвистических исследований Российской академии наук: онлайн-ресурсы. URL: <https://iling.spb.ru/online-resources?ysclid=megwxu6xeb376319093>

Карасик, В. И. (2009). Языковые ключи. Москва: Гноэис.

Ридецкая, Ю. С. (2024). Неографический цифровой ресурс neolex.iling.spb.ru: поисковые возможности и перспективы развития. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(11), 37–47. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-37-47](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-37-47)

Сперанская, А. Н. (2021). «Слово года» и «ключевая ситуация»: о пополнении актуального лексикона. *Коммуникативные исследования*, 8(1), 102–114.

Шмелева, Т. В. (1993). Ключевые слова текущего момента. *Collegium*, 1, 33–41.

Шмелева, Т. В. (2009). Кризис как ключевое слово текущего момента. *Политическая лингвистика*, 2(28), 63–67.

References

Golovanova, E. I., & Madzaeva, S. I. (2020). On the vocabulary of the coronavirus pandemic epoch. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 7(441), 48–55. (In Russian).

Ilyasova, S. V. (2014). Key marker words of the epoch as the object of a language pun (based on the Russian mass media). *Grani poznaniya*, 1(28), 60–62. (In Russian).

Ilyasova, S. V. (2018). Key words and key affixes in the derivational processes of the present time: on the material of the Russian mass media language. *Dynamics of Language and Cultural Processes in Contemporary Russia*, 6, 254–258. (In Russian).

Karasik, V. I. (2009). *Language keys*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russian).

Online resources of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. URL: <https://iling.spb.ru/online-resources?ysclid=megwxu6xeb376319093> (In Russian).

Ridetskaya, Yu. S. (2024). Neographic digital resource neolex.iling.spb.ru: search opportunities and development prospects. *VERBA. North-West Linguistic Journal*, 1(11), 37–47. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-37-47](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-37-47) (In Russian).

Shmeleva, T. V. (1993). Key words of the current moment. *Collegium*, 1, 33–41. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2009). Krizis (Crisis) as the key word of the present moment. *Political Linguistics*, 2(28), 63–67. (In Russian).

Speranskaya, A. N. (2021). “Word of the year” and “key situation”: on expanding the current vocabulary. *Communication Studies*, 8(1), 102–114. (In Russian).

Zemskaya, E. A. (1996). Active processes of modern word formation. *Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)* (pp. 90–141). Moscow: Языки русской культуры Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Козловская, Н. В., & Павлова, А. С. (2025). «Они опора институций»: Скуф как лингвокультурный типаж и ключевое слово текущего момента. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 7–21. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-7-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-7-21)

For citation:

Kozlovskaya, N. V., & Pavlova, A. S. (2025). “They are support of institutions”: Skuf as linguocultural type and present-moment keyword. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 7–21. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-7-21](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-7-21) (In Russian).

Прилагательное *соевый* и его лексикографическое представление

E. V. Парышева

Adjective *soevyi* and its lexicographic analysis

E. V. Parysheva

Екатерина Викторовна Парышева – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: cancor@bk.ru

Статья поступила: 30.05.2025. Принята к печати: 25.06.2025.

В статье рассматриваются трансформации системных связей слова *соевый* (парадигматических, синтагматических, ассоциативно-деривационных), употребляющегося в переносном значении в современном русском языке. Материалами анализа послужили статьи толковых словарей, статьи, представленные на любительском лексикографическом онлайн-ресурсе английского языка «Urban Dictionary», базы данных «Новое в русской лексике. Словарные материалы», данные архива «Интегрум» (2020–2025 гг.) и Национального корпуса русского языка, а также онлайн-публикации на сайте «ВКонтакте», не отраженные в НКРЯ или архиве «Интегрум» и собранные путем сплошной выборки. Рассмотрение лексикографических материалов показывает, что толковые словари представляют лишь прямые значения прилагательного *соевый*, связанные с пищевой промышленностью и сельским хозяйством. Определено, что неологизм *соевый* является семантической калькой с английского *soy*. В английском *soy* употребляется для описания молодого человека, обладающего стереотипно женскими чертами (мягкость, ранимость, стремление выглядеть привлекательно, неагgressivность, чрезмерная эмоциональность). В русском языке новое значение фиксируется в основном в онлайн-публикациях 2020–2021 гг. По мере расширения области употребления слово *соевый* теряет тесную связь с семантикой пола. В социально-политическом дискурсе употребление слова *соевый* является признаком речевой агрессии, с его помощью могут быть выражены насмешка или оскорбление. Значение лексемы *соевый* в русском языке обогащается несколько другими компонентами. Используя номинацию *соевый*, говорящий или пишущий акцентирует внимание не только на внешнем виде человека, чертах его характера или особенностях поведения, но и на политических взглядах и мировоззрении, высмеивает и осуждает его поступки и отношение к происходящим событиям. На основе выявленных макро- и микрокомпонентов нового лексического значения слова *соевый* представлен пример словарной статьи для неологического словаря.

Ekaterina V. Parysheva – Cand. Sci. in Philology, Assistant Professor of Russian Language Department; Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5777-0178

Received: 30.05.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

The article is devoted to the transformations of the systemic relations of the word *soevyi* (paradigmatic, syntagmatic, associative-derivational), used figuratively in modern Russian. The analysis is based on materials from articles found in the online English lexicographic resource *Urban Dictionary*, the database *New in Russian Vocabulary. Dictionary Materials*, the archive *Integrum* (2020–2025), the Russian National Corpus, as well as online content from the *Vkontakte* website, which is not reflected in either the Russian National Corpus or the *Integrum* archive and was collected through unselective sampling. A review of lexicographic sources shows that explanatory dictionaries mainly record only the direct meanings of the adjective *soevyi*, associated with the food industry and agriculture. Clearly, the neologism *soevyi* is a calque from the English word *soy*. In English, it is used to describe a young man who stereotypically exhibits feminine traits (gentleness, vulnerability, a desire to look attractive, passivity, excessive emotionality). In Russian, this new meaning has been documented primarily in online publications from 2020–2021, and as its usage spreads, the word *soevyi* gradually loses its strong association with gender semantics. In socio-political discourse, the use of *soevyi* serves as a marker of verbal aggression, often employed to ridicule or insult. The semantic field of the lexeme *soevyi* in Russian has expanded to encompass additional components. When using the *soy* nomination, the speaker or writer draws attention not only to a person's appearance, character traits, or behavioral peculiarities but also to their political views and worldview, frequently mocking and condemning their actions and attitudes toward current events. Based on the identified macro- and microcomponents of the new lexical meaning of the word *soevyi*, an example of a dictionary entry for a neological dictionary is presented.

Ключевые слова: динамика лексического значения, неография, неология, новые номинации человека, социально-политический дискурс

Keywords: dynamics of lexical meaning, neography, neology, new nominations of person, social and political discourse

УДК 811.161.1:81`373.43

OECD: 6.02OY

V

Постановка проблемы. Возникновение в языке новых слов, а также семантические трансформации уже существующих лексических единиц могут быть обусловлены как изменениями внеязыковой действительности, коренными и стремительными преобразованиями различных сфер жизни, так и внутриязыковыми процессами. Изменения, затрагивающие словарный состав языка, также зависят от доминирующих или актуальных в обществе аксиологических ориентиров.

Одной из самых активно пополняющихся групп лексики являются номинации лица, например, по хобби и интересам (*квадробер* и *квадроберша*, *квадроберка*), по личным качествам и ценностным ориентирам (*поридж*, *снежинка*), по возрасту и особенностям внешнего вида и поведения (*скуф*, *жимцепл*). Эти и многие другие названия лиц появились в русском языке в последнее время. Подобные изменения оперативно фиксируются проектом «Новое в русской лексике. Словарные материалы». В современной коммуникации наблюдается изменение семантики слова *соевый*, которая имеет комплексный характер: *соевым* можно назвать как человека, придерживающегося вегетарианской диеты, так и человека, который отличается излишне мягким характером и разделяет определенные политические взгляды, поэтому возникает вопрос о том, какие существенные, ядерные признаки должны быть отражены в структуре лексического значения (далее *ЛЗ*) неологизма.

Значение слова *соевый*, используемое для описания качеств человека, не закреплено. Проект «Новое в русской лексике. Словарные материалы» не фиксирует явные семантические трансформации лексемы: в базе данных проекта представлена только словарная статья *соевая корова* – «шутл. Об установке, аппарате для производства молока из сои» [Новое в русской лексике].

История вопроса. Интерес к изучению неологической лексики в отечественной лингвистике не угасает, о чем говорит появление научных работ, которые посвящены исследованию неологизмов, возникших в последние годы в разных сферах коммуникации [Юрова, 2018; Гатауллина, Заялова, 2019; Крюкова, 2021; Смирнова, 2023; Фомина, 2023]. С целью фиксации значительных пластов неологической лексики, относящейся к одной крупной тематической группе, создаются специальные лексикографические издания, описывающие динамические процессы словарного состава русского языка в определенный период [Приемышева, 2021]. Оперативно собранные словарные материалы отражаются в традиционных для отечественной неографии словарях-ежегодниках. Как пишет М. Н. Приемышева, ежегодники, «помимо фиксации речевой неологии, должны, в первую очередь, отразить наиболее значимые и важные тенденции словообразовательных изменений, языковой, стилистической, тематической языковой динамики, происходящих в русской речи под влиянием как общественной, социальной, экономической, культурной жизни, так и под влиянием различных социолингвистических процессов в русском национальном языке в целом»

[Приемышева, 2024, с. 69]. Активно развиваются и пополняются как профессиональные, так и любительские лексикографические онлайн-ресурсы, которые содержат многие лексические и семантические неологизмы, ранее не зафиксированные в толковых словарях.

Существуют и отдельные работы, посвященные словообразованию и словотворчеству, единичным семантическим, лексическим и фразеологическим новациям или группам новаций [Кошкова, 2021; Леонтьева, Щетинина, 2022], особенно тем, которые появились в русском языке в коронавирусную эпоху [Северская, 2020; Зеленин, Буцева, 2020, 2021]. З. И. Минеева подчеркивает, что номинации человека занимают одно из центральных мест среди неологизмов современного русского языка [Минеева, 2015, с. 114].

В результате анализа коннотативно-прагматической динамики восточных заимствований в современном русском языке Е. В. Сенько делает вывод о том, что возникновению в ЛЗ слова *соя* коннотативной семы «трансгенный», имеющей отрицательную окраску, способствовали факторы, связанные с научно-познавательной деятельностью человека [Сенько, 2019, с. 115].

Т. Е. Фомина рассматривает особенности употребления слова *соевый* в современной разговорной речи [Фомина, 2023]. Автор статьи справедливо отмечает, что в последние годы *соевый* из описания продукта превращается в негативную личностную характеристику. Это может быть связано «как с сохранившимися в обществе предрассудками о ГМО-продуктах, так и с усилившейся политизацией социума и ярко выраженным противостоянием идеологий разных поколений, которое сейчас происходит в стране и мире» [Фомина, 2023, с. 63]. Однако следует отметить, что распространение нового значения характерно не для русской разговорной речи в целом, а для определенных типов дискурса, поэтому исследование трансформаций семантики слова *соевый* требует более пристального внимания к новейшим контекстам употребления исследуемой лексемы.

Методология и методика исследования. Цель статьи – на основе анализа трансформации системных связей слова *соевый* (парадигматических, синтагматических, ассоциативно-деривационных), употребляющегося в переносном значении, представить пример словарной статьи для ежегодника «Новые слова и значения».

Объектом исследования является лексическое значение лексемы *соевый* в современном русском языке. Предмет исследования – трансформации семантики лексемы *соевый*, а также ее функционирование в современном русском языке.

Материалами исследования послужили статьи толковых словарей [Ожегов, Шведова, 2006; Кузнецов, 2000], статьи, представленные на любительском лексикографическом онлайн-ресурсе английского языка «Urban Dictionary», на сайте проекта «Новое в русской лексике. Словарные материалы», данные архива «Интегрум» (2020–2025 гг.) и Национального корпуса русского языка. В качестве материалов также были использованы онлайн-публикации на сайте «Вконтакте», не отраженные в НКРЯ или архиве «Интегрум» и собранные путем сплошной выборки.

В процессе исследования были использованы традиционные методы лексикологии: дефиниционный анализ, компонентный (семный) анализ, контекстный анализ. Дефиниционный анализ позволил определить основные ЛЗ слова *соевый*,

зарегистрированные в базовых толковых словарях современного русского языка, а также проследить трансформации его семантики. Благодаря компонентному (семному) анализу были выявлены денотативный и коннотативный макрокомпоненты, ядерные и периферийные семы, входящие в структуру переносного Л3 лексемы *соевый*. Рассмотрение синтагматических связей исследуемого слова осуществлялось с опорой на контекстный анализ.

Анализ материала. «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС) фиксируют дериват *соевый* в словообразовательной зоне словарной статьи *соя*. Существительное *соя*, в свою очередь, по-разному представлено в указанных изданиях. СОШ выделяет для *соя* только одно значение – «бобовое растение, семена которого используются в пищевой промышленности и технике» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 753], в БТС представлено два значения: «1. Травянистое растение сем. бобовых (семена используются в технике и пищевой промышленности для получения масла, молока, муки). 2. Разг. Острый соус из семян этого растения и пряностей, служащий приправой к мясу, рыбе» [Кузнецов, 2000, с. 1245].

Анализ корпусных данных и онлайн-публикаций также показал, что в текстах XX – начала XXI вв. *соевый* употреблялось для описания реалий бытовой сферы, сферы сельского хозяйства и пищевой промышленности:

Теперь, когда мы остались совсем без сахара, пикулями же и соей располагаем еще довольно свободно <...> (Аксенов И. А. Аристарх Васильевич Лентулов, 1919); *В глубине ее сидели два научных сотрудника в пиджаках и брюках и пили чай с соевыми батончиками* (Гранин Д. А. Месяц вверх ногами, 1966); *Его получают из сои или подсолнечника, но предпочитают соевый лецитин, так как подсолнечный имеет неприятный привкус* (Либкин О. Как делают шоколад? // «Химия и жизнь», 1967); *При замене части мясного сырья на белки сои и пшеничную муку устраивался их специфический привкус* (Кудряшов Л. С., Мотовилина А. А., Лебедева Л. И. Натуральные ингредиенты «БаттерБадс» улучшают качество Мясных продуктов // Мясная индустрия, 2004).

Однако в настоящее время у слова *соевый* формируется значение, отражающее негативную оценку внешнего вида, поведения, личных качеств, жизненных ценностей и политических взглядов отдельных социальных групп, которое требует фиксации в словарях новых слов и значений.

Соевый является семантической калькой: в английском молодежном жаргоне переносное значение *soy* используется для номинации мужчин, которым присущи стереотипно женские качества (мягкость, ранимость, стремление выглядеть привлекательно, неагgressивность, чрезмерная эмоциональность). Новое значение было зафиксировано на любительском лексикографическом ресурсе «Urban Dictionary» обычными носителями языка. Безусловно, подобные толкования нельзя назвать строгими и лингвистически выверенными, однако они позволяют очертировать круг качеств, которые являются наиболее значимыми для англоговорящих носителей языка, употребляющих лексему *soy* по отношению к человеку. Приведем фрагменты толкований слова *soy*, представленных на сайте «Urban Dictionary»:

1) «... the word is widely used to describe a man who misacting like a female» («слово широко используется, чтобы описать мужчину, который ведет себя как женщина»)¹;

2) «...state in which one is emotionally vulnerable, and/or is being overly sensitive» («состояние, в котором человек эмоционально уязвим и/или чрезмерно чувствителен»);

3) «soft, limp, lame» («мягкий, безвольный, жалкий») [Urban Dictionary].

Первые контексты на русском языке, в которых *соевый* имеет переносное значение и употребляется по отношению к человеку или группе людей, относятся к 2020–2021 гг. В социально-политическом дискурсе употребление слова *соевый* является признаком речевой агрессии, с его помощью могут быть выражены насмешка или оскорбление:

«Союз феминисток, абортиц и **соевых куколов**, объединившись против насилия, пытается сам его осуществить. Наши сербские братишки в очередной раз увидят подлинное лицо европейских крысенышей», – заявил депутат Валерий Милонов (Телеграм-канал «Лента дня», 25.12.2023).

Отметим, что значение лексемы *соевый* в русском языке обогащается несколько другими компонентами. Как правило, используя номинацию *соевый*, говорящий или пишущий акцентирует внимание не только на внешнем виде человека, чертах его характера или особенностях поведения, но и на политических взглядах и мировоззрении, высмеивает и осуждает его поступки и отношение к происходящим событиям:

<...> какой-то **соевый спич** по поводу вполне себе обыденных вещей нынче. Надеюсь, автор поста успел надеть эко-шуз, шортики и съездить на своем электросамокате за капучино с миндальным молоком <...> **Соя – те, кто живут розовыми фантазиями о мире во всем мире и о безоговорочной дружбе всех людей** (VK, 19.08.2024).

Кроме того, подобные номинации в русском языке, в отличие от английского, не имеют строгой гендерной закрепленности, сема «пол» в Л3 единицы *соевый* не конкретизирована и является дизьюнктивной. *Соевый* употребляется с существительными как мужского, так и женского рода:

У **соевых релоканток** из РФ тоже проблемы (continentalist.ru, 10.09.2024); «У нас сейчас в оппозиции одни **соевые мальчики и девочки**, а в Украине были ультрас, – пишет анонимный блогер <...>» (Интегрум, 09.03.2022).

Отсутствие строгой гендерной закрепленности лексемы может быть обусловлено еще и тем, что прилагательное *соевый* в контексте подвергается субстантивации и часто употребляется в форме множественного числа:

Рано наши соевые по всяким Тбилиси стартанули. Ничего в России пока не рухнуло (Метания «Гlamурной кавалерии», 28.09.2022).

Таким образом, в современном русском социально-политическом дискурсе лексема *соевый* используется как уничижительная номинация молодых людей, обладающих, по мнению говорящего или пишущего, немужскими качествами и либеральными, идеалистичными, можно сказать, «вегетарианскими» взглядами. Отказ от напористости, жесткости – от качеств, стереотипно присущих образу «настоящего мужчины», – ассоциативно связан с отказом от продуктов животного

¹ Здесь и далее приводится перевод авторов статьи.

происхождения, заменой их *соей*, то есть – в бытовом понимании – некой «подделкой», чем-то неестественным и вызывающим у носителя языка, который употребляет лексему в этом значении, отторжение и пренебрежение. Кроме того, в русском языке, в отличие от английского, слово *соевый* в указанном значении теряет строгую гендерную закрепленность. *Соевый* становится презрительной номинацией инфантильных, наивных и излишне чувствительных людей любого пола. В отдельных случаях лексема *соевый* также используется для того, чтобы выразить пренебрежительное отношение к политическим взглядам и жизненным ценностям отдельных социальных групп.

Сложное сочетание семантических компонентов ЛЗ, комплекс разнородных признаков, которые могут быть описаны с помощью лексемы *соевый*, не позволяют точно определить тип переноса. С одной стороны, можно предположить, что *соевый* формирует переносное значение на основе наведенных контекстами сем «искусственный», «вредный», «нездоровый». Следовательно, *соевый* как ‘слабый, излишне чувствительный, инфантильный человек с идеалистическими и либеральными взглядами’ появляется в результате метафорического переноса. «Идеалистические взгляды» расцениваются носителями языка, употребляющими лексему *соевый*, как малодушие, слабость, неспособность столкнуться с реальностью и воспринять мир объективно. По мнению говорящего, такая жизненная позиция неестественна и вредна так же, как продукты, изготовленные из сои.

С другой стороны, переносное значение может формироваться в результате метонимического переноса по модели «потребляемый продукт – потребитель продукта». Те, кто заменяет продукты животного происхождения *соей*, ассоциируются некоторыми носителями языка с физической слабостью, инфантильностью, сверхчувствительностью и «травоядными» взглядами. Со временем тесная связь мировоззрения человека и его пищевых предпочтений стирается: *соевым* теперь пренебрежительно называют того, кто необязательно употребляет сою, но при этом демонстрирует приверженность определенным взглядам (например, комфортная и безопасная жизнь, стремление решать все конфликты мирно, толерантность, всеобщее равенство) и разделяет либеральные ценности, что, по мнению говорящего, нежизнеспособно и оторвано от реальности:

Будто психи в припадке, они повторяют одни и те же безумные слова множество раз и готовы бросаться с кулаками на любого, кто не верит в «соевые» идеалы либертарианства (Интегрум, 05.02.2023); *Насколько я понял из соевых историй – это типа когда нет ни начальников, ни подчиненных, все равны, все дружно работают над своим проектом, все проблемы обсуждаются и решаются сообща, в общем – розовые пони и единороги с бабочками* (Интегрум, 29.12.2023).

Лексикографическое описание новых значений лексемы *соевый* должно опираться на выявленные системные связи слова. С этой целью было проанализировано около 250 контекстов из онлайн-публикаций 2020–2025 гг., в которых *соевый* имеет значение, не относящееся к сельскому хозяйству, пищевой промышленности или кулинарии.

Анализ контекстов позволяет выявить несколько наиболее распространенных моделей сочетаемости прилагательного *соевый*.

Во-первых, отметим распространенное сочетание *соевый мальчик* (17 контекстов), являющееся калькой с английского *soyboy*. Вместо *мальчик* в сочетании с *соевый* употребляются другие лексемы, обозначающие лицо мужского пола. При этом нередко актуализируются семы «возраст», «зрелость», на основе которой в отдельных контекстах *соевый мальчик* противопоставляется *настоящему мужчине* (см. второй контекст):

Получаю много случайных комментариев: «Западный белый либеральный **соевый паренек** хочет запретить сексуальную женщину и секс в играх из-за своего пуританского верования» (Интегрум, 13.09.2021); *Вот поэтому вас и называют соевыми мальчиками*, потому что у вас даже вкусы не мужественные – а детские (The Daily Telefrag, 24.06.2021); *Каким же нужно быть соевым мальчиком*, чтобы так долго тут никого не обидеть; *Типичная тактика слабого и неуверенного в себе соевого мальчика* (shikimori.org, 30.04.2023).

Менее частотно употребление прилагательного *соевый* с существительным *девочка* (5 контекстов), которое возникает по аналогии с *соевым мальчиком*, но при этом уже не является калькой с английского, что подчеркивает постепенное угасание в Л3 лексемы *соевый* компонентов, связанных с полом:

Вообщем готовимся, нынешний личный состав МВД из **«соевых» мальчиков и девочек** видимо не готов (не для этого их мама растила) за родину послужить (police-russia.com, 01.09.2023).

14 контекстов содержат сочетание прилагательного *соевый* и существительного *куколд*, являющегося уничижительной и презрительной номинацией мужчины (от англ. *cuckold* ‘рогоносец’) [Новое в русской лексике], что подчеркивает такие качества личности, как физическая и психологическая слабость, неспособность за себя постоять, ответить на оскорбление или агрессию, решить конфликт силой, то есть проявить качества «настоящего мужчины»:

Часть мужчин вашего общества, не желающая отсидеть за «оскорбление ухом», постепенно превратилась в унылых послушных **соевых куколов**, не способных проштробить стенку и перенести розетку туда, куда удобно, но разбирающихся в «женских проблемах» (continentalist.ru, 21.01.2022); *Сколько соевых куколов уехало из Израиля после этого видео?* (politforums.ru, 06.08.2022).

Еще одну группу слов (24 контекста), образующих сочетания с прилагательным *соевый*, составляют уничижительные, оскорбительные и бранные номинации (*порвашка, тряпка, морда, дурачок, додик, морда, лох, маня*) и медицинские диагнозы, используемые как оскорблении (*дебил, шизофреник, шиз, идиот, аутист*):

Абсолютное же большинство из них состоит из населяющих центры наших мегаполисов **сытых соевых идиотов**, чье сознание полностью оккупировано западной культурой (continentalist.ru, 28.02.2022); *И смеялись над этими словами только соевые лохи, которые и на улице-то ни разу не были* (если че, крафтовые смузи-бары – не улица, дорогие мои) (mnogodetok.ru, 24.04.2022).

Подобные существительные используются говорящим или пишущим с целью высмеять или подвергнуть сомнению интеллектуальные способности, уровень развития представителей определенной социальной группы или указать на низкий статус ее членов.

В 2023 году особенно активно употребляется сочетание *соевый релокант* (18 контекстов), позволяющее говорящему или пишущему негативно охарактеризовать образ жизни, привычки и особенности мировосприятия людей, покинувших страну «в связи с началом СВО или объявлением частичной мобилизации» [Новое в русской лексике].

Была былинная история о том, как соевые релоканты попытались запилить в Гогистане кафешку, собрав в ней все модные в их среде фишки (веганская, ненасильственная, анархическая, эко-френдли...) (Плохие новости, 29.12.2023); «Хорошие времена рождают слабых людей» (с) Всех этих соевых релокантов слишком много баловали и сюсюкали (politik.su, 21.11.2023).

Отметим также употребление лексемы *соевый* в сочетании с неологизмом *поридж* (11 контекстов – употребляется для номинации представителей молодого поколения, которые ценят материальное благополучие, комфорт, представляются говорящему избалованными, слишком эмоциональными и при этом разделяющими «западные» ценности) и семантическим неологизмом *снежинка* (3 контекста – о чрезмерно чувствительном и инфантильном человеке). В семантической структуре ЛЗ всех трех единиц есть компоненты «слабый», «безвольный», «инфантальный», «незрелый», подчеркивающие семантическое согласование лексем.

Очередная драма из жизни соевых пориджей... В общем, очередной соевый поридж порвался (politforums.ru, 22.01.2023); *Вы, сраные соевые снежинки, всегда вставали в совестливую позу: мол, ах, за слова нельзя быть и тем более убивать* (vnnews.ru, 23.08.2022).

Наконец, можно выделить группу номинаций по возрасту (*внуки*), в том числе неологических (*зумеры*, *зумерки*) (всего 10 контекстов):

Иногда линия содержит прямые параллели с происходящим, иногда слабо с ним связана, но каждый раз подчеркивает глубокий контраст между «соевыми» внуками, которые чуть что паникуют, и их дедами, которые играючи вынимают из себя пули (shnyagi.net, 23.12.2023); *Сейчас вас, глупых соевых зумеров, научат жизни злые чеченцы* (Полит.Ру, 03.10.2023); *Соевые зумеры денег не принесли – авторов провального перезапуска Saints Row распускают* (police-russia.com, 01.09.2023).

Особое место здесь занимает существительное *поколение* (6 контекстов), позволяющее негативно охарактеризовать целую общность людей одного возраста, не обладающих стойкостью, силой и умом, которые, по мнению говорящего, были присущи прошлым поколениям:

«Соевому» поколению в принципе трудно выдерживать давление общества (cont.ws, 10.03.2023).

Соевый, подвергаясь субстантивации, используется как собирательное имя существительное (12 контекстов), а также употребляется в сочетании с существительными, обозначающими группы людей (9 контекстов – *соевое сообщество, соевая толпа, соевая аудитория, соевая биомасса, соевая часть общества*):

Один из «соевых» громко выразил удовлетворение по поводу сдачи русскими Порт-Артура (continentalist.ru, 24.12.2023); *<...> а между тем, HeadHunter на днях сообщил о возвращении в Россию каждого четвертого представителя этого*

соевого сообщества ([fishki.net](#), 22.11.2023); *Старое-недоброде мальтузианство в упаковке из современного речекряка для соевой аудитории* ([ryb.ru](#), 07.08.2023); *В то время, как меньшая, соевая часть наших сограждан ощущает батхерт из-за СВО и прячется в кокон* ([yablor.ru](#), 25.02.2023).

Соевый может стать характеристикой не только человека или группы людей, но и других реалий, чаще всего связанных с индустрией развлечений (фильм, книга, музыка, сюжет), однако таких контекстов намного меньше, чем тех, в которых прилагательное используется для характеристики лица:

Недавно посмотрел The out-laws по началу соевая комедия, но с середины там вполне, не плохая комедия ([The Daily Telefrag](#), 07.01.2024).

Чем активнее слово соевый используется в коммуникации, тем шире реализуется его словообразовательный потенциал. Так, появляются сложные окказиональные прилагательные, иногда практически полностью состоящие из единиц, недавно появившихся в русском языке: соево-сервейзный, соево-каколдский, соево-куколдский, соево-пориджо-зумерский, лубочно-соево-глазированный, соево-пробудившийся, соево-демократический, соево-кукожный. Значения приведенных прилагательных контекстуально обусловлены и могут быть определены только при обращении к конкретному высказыванию. Рассмотрим некоторые из них:

На DTF стало невозможно сидеть не из-за отсутствия лонгов или другого более-менее качественного контента, а из-за преобладающего большинства соево-пориджо-зумерской аудитории ([The Daily Telefrag](#), 27.11.2023).

В данном случае сочетание соевый с поридж и зумерский позволяет актуализировать семантические компоненты, связанные с возрастом (представитель молодого поколения) и ценностными ориентирами (материальное благополучие) и благодаря этому описать аудиторию сайта.

Пусть она будет действительно научной, а не той повесточной, лубочно-соево-глазированной жвачкой, которой стала за последние несколько десятилетий ([zelluloza.ru](#), 27.10.2023).

В контексте речь идет о фрагменте научно-фантастической книги, сюжет которой, по мнению говорящего, отличается чрезмерной идеологичностью (повесточный в данном случае – связанный с репрезентированием представителей различных меньшинств в книгах, фильмах, сериалах, видеоиграх). Интересно также сочетание со словами лубочный, глазированный и жвачка. Согласно данным сайта «Новое в русской лексике. Словарные материалы», существительное жвачка используется, когда речь идет «о скучном материале, повторяющем давно известное, не содержащем ничего нового» [Новое в русской лексике]. Несколько сложнее окказиональная семантика единиц лубочный и глазированный. Известно, что прилагательное лубочный образовано от лубок – «собир. Род графического искусства – картинки, печатаемые с таких досок, отличающиеся лаконизмом изображения, ясностью и простотой композиции, обобщенностью образов» [Кузнецов, 2000, с. 506]. Однако, как отмечает Н. В. Нор, уже в первой половине XIX в. термин «лубочный» «пошел в народ, став нарицательным по отношению к вещам дешевым, грубым, неряшливо сделанным, не только среди произведений графики» [Нор, 2008, с. 225]. Вероятно, именно это значение контекстуально актуализируется

в приведенном фрагменте. *Глазированный* же связано со словом *глазурь* (густой сахарный сироп, в котором варят фрукты и которым покрывают мучные изделия, отчего они становятся гладкими, глянцевыми), и в данном контексте приобретает окказиональную семантику «не показывающий изъянов реальной действительности», «идеалистический» (поскольку речь идет о произведении художественной литературы).

Читая показания завравшейся, жестокой и одновременно неисправимо тупой, **соево-пробудившейся** навальнистки-бомбистки Треповой <...> чувствую, что где-то уже видел емкую характеристику Треповой и всей этой публики (yablor.ru, 05.04.2023).

Пробудившийся в данном случае отсылает к терминам *woke-культура*, *воук*, *воук-культура* – «ультралевая идеология, предполагающая борьбу за социальную, расовую и гендерную справедливость» [Новое в русской лексике] – и позволяет пишущему обозначить политические взгляды осуждаемого лица.

Я бы посоветовал реддит, но это та еще **соево-кукожная** эхо камера если сделать шаг в сторону от малонаселенных узконаправленных сабреддитов с высоким порогом вхождения (The Daily Telefrag, 06.01.2025).

Кукожный является дериватом существительного *кукож*, которое, в свою очередь, представляет собой своеобразный русский эквивалент заимствования *кринж*, поскольку англ. *cringe* ‘ощущение неловкости или отвращения’ [Новое в русской лексике] развилось на базе основного значения глагола *cringe* ‘съеживаться, скукоживаться’.

Таким образом, расширение словообразовательных связей слова *соевый* и появление некоторых окказиональных прилагательных на его основе позволяет говорящим актуализировать наиболее значимые признаки, необходимые для описания лиц, групп лиц или отдельных реалий (проникнутый западной или либеральной идеологией; отличающийся плохим качеством; эксплуатирующий всем известные, банальные сюжеты; рассчитанный на невзыскательную публику; вызывающий стыд).

Рассмотренные контексты также позволяют сделать вывод о существовании в структуре семантики слова *соевый* имплицитного прагматического компонента, связанного с оппозиционными, либеральными взглядами или со стремлением к борьбе за социальную справедливость. Подобный прагматический компонент, основанный на доминирующих или, напротив, осуждаемых политических позициях и аксиологических установках, на знаниях и истинах, «пропагандируемых в определенном социуме», имеет идеологический характер [Скляревская, 1995, с. 68].

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод об основных макро- и микрокомпонентах переносного Л3 прилагательного *соевый*: денотативный макрокомпонент включает семы «человек», дизъюнктивные семы «мужской пол» и «женский пол», «возраст» («молодой»), «качество личности» («слабый», «ранимый», «инфантильный»); коннотативный макрокомпонент содержит эмоционально-оценочную сему отрицательного характера («презрительное»). Имплицитным является идеологический компонент («оппозиционные взгляды», «либеральные ценности»), что может быть отражено в иллюстративном материале.

Итак, представим пример словарной статьи *соевый* для неологического словаря.

соевый, -ая, прил. Презрит. О молодом человеке (реже – о девушке), который отличается слабохарактерностью, инфантильностью и ранимостью; о группе таких людей. *Вот поэтому вас и называют соевыми мальчиками, потому что у вас даже вкусы не мужественные – а детские* (The Daily Telefrag, 24.06.2021); «*У нас сейчас в оппозиции одни соевые мальчики и девочки, а в Украине были ультрас, – пишет анонимный блогер*» (Интегрум, 09.03.2022); *В то время, как меньшая, соевая часть наших сограждан ощущает батхерт из-за СВО и прячется в кокон* (Yablor, 25.02.2023).

Словообразование: семантическая калька (англ. сленг. *soy*)

Темы: общество

Выводы. В результате анализа лексикографического и обширного текстового материала были выявлены основные компоненты переносного значения лексемы *соевый*, которая используется в современном общественно-политическом дискурсе в качестве номинации человека. *Соевый* – семантическая калька (от англ. *soy*), распространившаяся в русском языке в 2020–2021 гг. преимущественно в онлайн-публикациях, связанных с обсуждением социально-политических и экономических проблем. *Соевый* употребляется с именами существительными как мужского, так и женского рода, с существительными, обозначающими группы людей. Прилагательное *соевый* в данном значении также нередко подвергается субстантивации.

В качестве компонента сложных прилагательных (например, *соево-демократический*, *соево-кукожный*, *соево-пориджо-зумерский*, *соево-лубочно-глазированный*) *соевый* позволяет говорящим и пишущим передать тонкие оттенки смысла (*соевый* – проникнутый западной или либеральной идеологией; плохого качества; использующий банальные сюжеты; рассчитанный на невзыскательную публику; вызывающий стыд).

Отметим, что из представленного ЛЗ может потенциально развиваться оттенок значения или конструктивно-обусловленное значение, которое реализуется в форме множественного числа лексемы *соевый*, когда речь идет не о качествах отдельного индивида, а о поведении социальных групп. Дальнейшая разработка исследуемой семантической новации может заключаться в фиксации значения, возникающего в результате расширения синтагматики слова *соевый* и употребления его по отношению к СМИ, продуктам индустрии развлечений (фильмам, играм), произведениям литературы.

Литература

- Гатауллина, А. Г., & Залилова, Р. Р. (2019). Неологизмы тематической группы «образование» в современном русском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(6), 303–308.
- Зеленин, А. В., & Буцева, Т. Н. (2020). От сидомцев до коронапофигистов (наименования лиц в период пандемии коронавируса). *Русский язык в школе*, 81(6), 97–106.
- Зеленин, А. В., & Буцева, Т. Н. (2021). Наименования лиц в период коронавирусной пандемии. *Русский язык коронавирусной эпохи* (с. 162–213). Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- Кошкарова, Н. Н. (2021). Лексико-семантические изменения как отражение ценностных приоритетов носителей русского языка. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2, 80–88.
- Крюкова, О. С. (2021). Новая лексика медицинского и социального дискурса в русском языке, или Неологизмы карантинного времени. *Русский язык в современном мире: настоящее и будущее* (с. 125–131). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Леонтьева, Т. В., & Щетинина, А. В. (2022). Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте. *Научный диалог*, 11(6), 183–201. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201>
- Минеева, З. И. (2015). Продуктивные типы словообразования номинаций человека. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада (Испания), 13–20 сентября 2015 г.: в 15 т. Т. 4: Системно-структурное описание современного русского языка* (с. 114–119). Санкт-Петербург: МАПРЯЛ.
- Нор, Н. В. (2008). Понятие «лубочное»: проблемы терминологии. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 4, 222–248.
- Приемышева, М. Н. (2024). Историческая лексикография новейшего времени – неография. *Научные школы Института лингвистических исследований РАН*. (с. 54–76). Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- Приемышева, М. Н. (Ред.). (2021). *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- Северская, О. И. (2020). Ковидиоты на карантикулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик. *Коммуникативные исследования*, 7(4), 887–906.
- Сенько, Е. В. (2019). Коннотативно-прагматическая динамика восточных заимствований в современном русском языке. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 34(2), 111–119. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2019-2-111-119>
- Скляревская, Г. Н. (1995). Прагматика и лексикография. *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность* (с. 63–71). Москва: Институт русского языка РАН.

References

- Fomina, T. E. (2023). Features of the use of the word ‘*soevyi*’ in contemporary colloquial speech. *Science Days – 2022: Proceedings of the scientific-practical conference of students, postgraduates and young scientists* (pp. 60–63) Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publ. (In Russian).
- Gataullina, A. G., & Zalialova, R. R. (2019). Neologisms of the thematic group “education” in modern Russian language. *Philology. Theory & Practice*, 12(6), 303–307. (In Russian).
- Koshkarova, N. N. (2021). Lexical and semantic changes as reflection of Russian speakers' axiological preferences. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 80–88. (In Russian).
- Kryukova, O. S. (2021). New vocabulary of medical and social discourse in Russian, or neologisms of quarantine time. *The Russian language in the modern world: present and future* (pp. 125–131). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Leontyeva, T. V., & Shchetinina, A. V. Combination ‘new sincerity’ in lexicographic aspect. *Nauchnyi dialog*, 11(6), 183–201. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2015). Productive types of word-formation of human nominations. *Russian language and literature in the space of world culture. Proceedings of the XIII Congress of MAPRYAL: in 15 vols. Vol. 4: System-structural description of contemporary Russian language* (pp. 114–119). St. Petersburg: International Association of Teachers of Russian Language and Literature Publ. (In Russian).
- Nor, N. V. (2008). The concept of “lubok art”: terminological issues. *RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 4, 222–248. (In Russian).
- Priemyshyeva, M. N. (Ed.). (2021). *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Priemyshyeva, M. N. (2024). Historical lexicography of the modern era – neography. *Scientific Schools of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences* (pp. 64–76). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Severskaya, O. I. (2020). Covidiots on coronacation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices. *Communication Studies (Russia)*, 7(4), 887–906. (In Russian).
- Senko, E. V. (2019). Connotative-pragmatic dynamics eastern borrowings in the modern Russian language. *Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2, 111–119. (In Russian).
- Sklyarevskaya, G. N. (1995). Pragmatics and lexicography. *Language as a System. Language as Text. Language as Ability* (pp. 63–71). Moscow: Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Смирнова, Л. Г. (2023). Неологизмы в медиийных текстах и их коннотативный потенциал. *Поливановские чтения*, 17, 152–158.

Фомина, Т. Е. (2023). Особенности употребления слова «соевый» в современной разговорной речи. *Дни науки – 2022: Сборник статей по материалам научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых* (с. 60–63). Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

Юрова, Т. А. (2018). Лексические новообразования в СМИ. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12-1(90), 202–205.

Smirnova, L. G. (2023). Neologisms in media texts and their connotative potential. *Polivanov Readings*, 17, 152–158. (In Russian).

Yurova, T. A. (2018). New lexical units in the media. *Philology. Theory & Practice*, 12-1(90), 202–205. (In Russian).

Zelenin, A. V., & Butseva, T. N. (2020). From sididoms to coronapogists (names of persons during the coronavirus pandemic). *Russian language at school*, 81(6), 97–106. (In Russian).

Zelenin, A. V., & Butseva, T. N. (2021). Names for people during the coronavirus pandemic. *Russian Language of the Coronavirus Era* (pp. 162–213). St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Источники

Кузнецов, С. А. (Ред.). (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Новое в русской лексике. Словарные материалы. URL: <https://neolex.ilang.spb.ru/>

Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (2006). *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*. Москва: ООО «А ТЕМП».

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/>

Sources

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *The big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian).

National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russian).

New in Russian vocabulary. Dictionary materials. URL: <https://neolex.ilang.spb.ru/> (In Russian).

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (2006). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological units*. Moscow: A TEMP LLC Publ. (In Russian).

Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com>

Для цитирования:

Парышева Е. В. (2025). Прилагательное *соевый* и его лексикографическое представление. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 22–34. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-22-34](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-22-34)

For citation:

Parysheva, E. V. (2025). Adjective *soevyi* and its lexicographic analysis. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 22–34. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-22-34](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-22-34) (In Russian).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОЛОГИИ / GRAMMATICAL ASPECTS OF NEOLOGY

Фразы-мемы как источник неологизмов

Т. И. Стексова

Phrases-memes as source of neologisms

T. I. Steksova

Татьяна Ивановна Стексова – доктор филологических наук, профессор; Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

E-mail: steksova@inbox.ru

Статья поступила: 14.05.2025. Принята к печати: 25.06.2025.

Статья посвящена возникновению неологизмов на основе предикативной единицы. Автор возвращается к проблеме признания способности у предложения выполнять номинативную функцию, то есть служить знаком какой-либо ситуации. Отмечая уже известные примеры названий художественных произведений, эргонимов, выраженных предикативными единицами, а также способности предикативной единицы выполнять функцию какого-либо члена предложения в другом предложении, зафиксированные в лингвистической литературе, автор выделяет и анализирует неологизмы, производящей основой для которых являются предложения. Задачей данной статьи является выявление условий возникновения и анализ функционирования подобных неологизмов, возникших в русском языке в последнее десятилетие. Утверждается, что производящей основой могут стать только те предложения, которые стали мемами, они должны соответствовать следующим условиям: быть типовой репликой, отражающей типовую ситуацию, которая значима для социума; быть весьма частотной, воспроизводимой, узнаваемой. От фразы-мема могут быть образованы существительные, прилагательные, наречия, которые соответствуют всем грамматическим свойствам этих частей речи. Отмечается, что неологизмы могут в свою очередь служить производящей основой для дальнейшего процесса словообразования. В статье фиксируется, что эти неологизмы имеют ярко выраженную оценочную окраску и являются маркерами категории свой/чужой. Высказывается предположение, что не все из этих неологизмов будут зафиксированы словарями, так как они недолговечны. Они вызваны моментом и выражают отношение к нему, а потому будут актуальны до тех пор, пока событие, лежащее в основе фразы-мема, будет актуально для социума.

Ключевые слова: русский язык, предикативная единица, неологизм

УДК 811.161.1:81'373.43

Tatiana I. Steksova – Dr. Sci. in Philology, Professor; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4275-7450

Received: 14.05.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

This article is dedicated to the emergence of neologisms based on predicative units. The author revisits the issue of recognizing the capacity of a sentence to perform a nominative function – that is, to act as a sign representing a particular situation. Drawing on previously documented examples such as titles of works of art and ergonyms expressed through predicative units, as well as the documented ability of predicative units to function as various sentence members in different contexts, the author identifies and analyzes neologisms whose productive basis consists of entire sentences. The objective of this study is to determine the conditions under which such neologisms have arisen in the Russian language over the past decade and to analyze their functioning. It is argued that only sentences which have become memes can serve as a productive base. These sentences must meet specific criteria: they should be typical utterances that reflect socially significant, recurring situations; they must exhibit high frequency, reproducibility, and recognizability. From these meme phrases, nouns, adjectives, and adverbs can be derived that conform to the full range of grammatical properties of their respective parts of speech. Furthermore, the study observes that these neologisms themselves often become productive bases for subsequent word-formation processes. The neologisms under consideration exhibit a marked evaluative tone and function as markers of in-group versus out-group categories. It is also proposed that not all such neologisms will be lexicographically documented, as many are ephemeral in nature. Their usage is prompted by specific moments in time and reflects attitudes toward those moments, rendering them relevant only while the events inspiring the meme phrases remain socially pertinent.

Keywords: Russian language, predicative unit, neologism

OECD: 6.02OY

V

Постановка проблемы. Во второй половине XX века рядом ученых было высказано предположение о том, что кроме коммуникативной функции предложение способно выполнять и номинативную функцию, что было обусловлено «денотативной», или референтной, –трактовкой смысла высказывания. В работах В. Г. Гака [Гак, 1973], Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1977] и др. обосновывалась точка зрения на предложение как на знак, содержанием которого является ситуация как определенный фрагмент действительности. Б. Ю. Норман отмечает, что в некоторых условиях функциональная оппозиция слова и предложения стирается, нейтрализуется [Норман, 2004]. Он утверждает, что в русском языке существуют целые жанры, для которых само противопоставление называния и сообщения становится неактуальным, и приводит в качестве примера, в частности, названия литературных произведений (*А зори здесь тихие, В бой идут одни старики, Завтра была война, Сыновья уходят в бой, У войны неженское лицо* и др.). Исследователь приходит к выводу, что даже если не соглашаться в целом с «денотативной» трактовкой смысла синтаксических единиц, то необходимо признать, что в определенных условиях предложение способно принимать на себя номинативную функцию. Эта мысль подтверждается и другими исследованиями. Уже неоднократно отмечено рядом ученых активное использование предикативных структур в роли эргономинаций [Шмелева, 2017, 2019, 2020; Гридина, 2023; Стексова, 2025 и др.]

Наряду с этим привлекает внимание лингвистов процесс перехода предикативной единицы в слово. Задачей данной статьи является выявление условий возникновения и анализ функционирования подобных неологизмов, возникших в русском языке в последнее десятилетие.

История вопроса. Само по себе это явление не является чем-то совершенно новым. В русском языке достаточно часто встречаются случаи употребления предикативной единицы в роли одного члена предложения (эта возможность отмечена во многих учебниках по синтаксису). Так, в песне Ю. Николаенко в строчках «*Никаких останься или постой. На прощанье взгляд, да и то пустой*» предикативные единицы – глаголы в повелительной форме – замещают собой существительные, ведут себя как несклоняемые существительные и связаны с местоимением. Они становятся знаком, содержанием которого является ситуация как определенный фрагмент действительности. Роль знака заключается в том, чтобы «репрезентировать, замещать какую-либо вещь, выступая ее субSTITУТОМ для сознания» [Бенвенист, 1974, с. 76]. Предикативная единица/слово номинирует ситуацию реальной действительности, которая является общим фондом знаний говорящего и собеседника, это маркер какой-либо известной и частотной ситуации. Ср.: *Я не могу этого сделать – было ее постоянным ответом*, где предикативная единица (*я не могу этого сделать*) является подлежащим, а *было ответом* – сказуемое.

Очевидно, что способность предикативных единиц быть знаком некоей ситуации способствует тому, что они могут служить базой для возникновения неологизмов. Всем с детства знакомы *Майдодыр* и *Айболит*. Процесс сращения давно описан в учебниках и справочниках по словообразованию, причем этот способ

словообразования может осложняться дополнительной суффиксацией [Улуханов, 1996]. Но если ранее этот способ использовался конкретными авторами художественных произведений для создания художественного образа (например, «кабычегоневышлизм» Е. Евтушенко), то последнее десятилетие характеризуется бумом анонимного возникновения неологизмов, образованных от предложений. Это не осталось без внимания современных исследователей, уже проанализированы некоторые подобные неологизмы, например, *хатаскрайник*, *яжемать*, *онижедети* [Мирзоева, 2018, 2019], *аджикинежаль* [Лаппо, 2025], зафиксированы и осмыслиены многочисленные неологизмы, возникшие в период эпидемии ковида (такие, как *сидидомники* и *самоизолектор* и под.) [Русский язык, 2021].

Как отмечают Е. А. Жданова и Л. В. Рацибурская, активизация деривационных процессов имеет социальную обусловленность. «Новообразования наглядно демонстрируют, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы и в определенной степени обслуживают их» [Жданова, Рацибурская, 2015, с. 46]. С этим утверждением солидарна и Е. Я. Шмелева, по мнению которой «такие “склеенные” образования являются новым средством категоризации действительности – они не только придают тексту большую выразительность, но и подчеркивают определенный смысл, который обычно передается несколькими словами» [Шмелева, 2015, с. 47].

Методология и методика исследования. В целях обновления и актуализации неологической базы автором статьи использован метод сплошной выборки: материалом для анализа послужили примеры высказываний с неологизмами, зафиксированными в интернет-коммуникации. Изучение функционирования новых слов осуществлено с помощью метода наблюдения, анализа словообразовательных формантов, а также метода интерпретации.

Анализ материала. Частотность подобного способа словообразования заставляет задаться вопросом: любое ли предложение может быть производящей основой для слова? Представляется, что предложения должны соответствовать ряду условий. Попытаемся их выявить, анализируя ряд неологизмов, появившихся в последнее десятилетие.

Невсетакоднозначники – от фразы «Не все так однозначно». Невсетакоднозначники утверждают, что они якобы ни за тех, ни за других, а занимают единственно верную «нейтральную» позицию и поэтому только они могут «объективно и непредвзято» на все смотреть.

- Почему «**невсетакоднозначники**» поверили пропаганде, что Россия еще ничего всерьез не начинала¹.
- Сохраню этот текст, чтобы кидаться им в «**невсетакоднозначников**»².
- **Невсетакоднозначник** или **япротивсевенник**?³
- Исключения, когда в Европе твердо уверены, что им не подсовывают если не зетовца, то **невсетакоднозначника**, не очень многочисленны⁴.

¹ URL: <https://garri-poljskij.userpage.org/content/15389636/>

² URL: https://vk.com/wall3035656_6345

³ URL: <https://endchan.org/rus/preview/41506.html>

⁴ URL: <https://www.ragh2023.com/about-5-44>

- *Как же тут со мной спорили люди, исповедующие типа взвешенную позицию – невсетакоднозначники!*⁵

Ихтамнеты – от фразы «Их там нет».

- У России были «*ихтамнеты*», а теперь появились мы, «*настутнеты*»⁶.
- Кто такие «*ихтамнеты*»? О роли военных наемников в вооруженных конфликтах и их взаимодействии с государством⁷.
- Но государство едва ли примет шантаж от «*ихтамнетов*», которые к тому же обратились к врагам⁸.

Поравалитики – от фразы «Пора валить!».

- «Чемоданные настроения» действительно характерны для части нашего общества, а люди, которых насмешливо называют *поравалитиками*, весьма активны в социальных сетях⁹.
- Часто от *поравалитиков* можно услышать, что жить в России им в тягость, что здесь удушающая атмосфера, никаких перспектив и бла-бла-бла¹⁰.
- *Поравалитики* сильно преувеличивают свою значимость и дальше разговоров в 99% случаев не идут¹¹.

Список подобных слов и примеров можно было бы множить (яжемать, онижедети, надсхваточники и под.). Некоторые из этих неологизмов уже зафиксированы словарями:

Ихтамнет (от голофразиса рус. «их там нет») – русскоязычный интернет-мем и неологизм, отражающий постоянное отрицание Россией своего военного присутствия в гибридных войнах в той или иной стране, прежде всего, – на территории Украины, начиная с 2014 года и до полномасштабного вторжения 24 февраля 2022 года. <...> термин приобрел популярность и стал общим названием кадровых российских военных без знаков различия, принимающих участие в боевых действиях за рубежом. «Ихтамнеты» – это неформальный термин, используемый для обозначения военных или других лиц, чье присутствие в определенной зоне конфликта официально отрицается властями, несмотря на доказательства их участия. Термин стал популярным в контексте обсуждения участия российских военных в конфликтах, где их присутствие не признается официально¹².

Любопытно, что в поисковом ресурсе «Новое в русской лексике»¹³ из всех упомянутых в данной статье неологизмов отмечено только одно слово «ихтамнет», причем трактуется оно как прилагательное и дается один пример:

⁵ URL: <http://chessvdk.ru/forum/index.php?action=recent;start=60>

⁶ URL: <https://novayagazeta.eu/articles/2023/05/24/u-rossii-byli-ikhtamnety-a-teper-poiavilis-my-nastutnety>.

Генеральная прокуратура Российской Федерации приняла решение о признании деятельности «Новая газета Европа» нежелательной на территории Российской Федерации.

⁷ URL: <https://megion24.ru/novosti/society/>

⁸ URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/11/14/786351-rossiya?from=copy_text

⁹ URL: https://tsargrad.tv/articles/poravalitiki-kak-strategicheskij-resurs-zapada_79638

¹⁰ URL: <https://dzen.ru/a/XJszcw2GcQCyC2N5>

¹¹ URL: <https://www.kp.ru/daily/26023/2943539/>

¹² URL: <https://sinonim.org/t/%D0%B8%D1%85%D1%82%D0%B0%D0%BC%D0%BD%D0%B5%D1%82%D1%8B>

¹³ Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы». URL: <https://neolex.iling.spb.ru/>

- *Максимальный формат содействия, который смогла предложить Россия для Донбасса, режим тайной операции сил специального назначения, в итоге вот уже по истечении года боевых действий практически себя исчерпал – дежурные ответы в стиле «ихтамнет» приводят лишь к новым пленным, убитым или раненым, чей боевой путь, к сожалению, не покрыт славой и признанием* (ИА Regnum, 13.07.2015).

Примечательно также, что пример «онижедети» дан в статье с объяснением неологизма «нагеройствованное», а слово «онижедети» никак не учтено в поиске данных:

- *Сначала «онижедети» и прочие «угнетарии» с доходом выше медианной зарплаты упиваются собственной храбростью, грозят холеными кулаками и ухоженными ноготками «тиранствующему режиму», но получив повестку или иную казенную бумагу с уведомлением об ответственности за нагеройствованное, начинают лепетать о своей «непричастности» и «неосведомленности», размазывая по уже не юным мордасам детские слезы* (simferopol.bezformata.com, 16.03.2021).

Обращает на себя внимание, что толкование неологизма *ихтамнет* отсылает к русскоязычному интернет-мему. Это замечание представляется принципиально важным, так как все анализируемые неологизмы впервые были воплощены в интернет-мемах, а уже затем, отрываясь от визуального ряда, стали использоваться в речевой практике. Другими словами, можно сказать, что сферой возникновения подобных неологизмов являются мемы. Как известно, мемы становятся популярными и быстро распространяются по сети Интернет из-за их ироничного, остроумного содержания, за счет чего они и привлекают внимание исследователей (так, в РИНЦ поиск по ключевому слову «мем» выдает 2359 наименований статей, авторы которых исследуют мемы в разных аспектах). Нас же интересует, какие характеристики мемов позволяют им становиться производящей основой неологизма. Среди всех уже выявленных и описанных многими лингвистами черт мемов для данного исследования важными, как представляется, будут следующие:

- вирусность, которая заключается в их способности быстро распространяться в Интернете среди интернет-пользователей;
- эмоциональность;
- актуальность интернет-мемов, которая проявляется в их привязанности к конкретному социальному или культурному контексту. Мемы – своеобразная реакция на происходящие события в определенный период времени. Именно поэтому можно уверенно сказать, что мем «живет» до тех пор, пока он актуален;
- медийность, под которой подразумевается вовлеченность интернет-мема в средства массовой коммуникации.

По мнению некоторых лингвистов, мемы можно считать разновидностью прецедентных феноменов [Аникина, 2016]. Они имеют «надличностный характер, хорошо известны представителям национального лингвокультурного сообщества, обладают признаками актуальности и рекуррентности, значимы для коммуникантов с точки зрения когнитивной оценки ситуации, полученной информации и эмоционального опыта» [Великолуг, 2020, с. 232].

Результаты исследования. Исходя из этого можно сформулировать условия, которым должны соответствовать фразы мема, являющиеся производящей основой для неологизма:

- реальная фраза, типовая реплика, за которой стоит типовая ситуация;
- значимость для социума события, которое вызвало к жизни эту фразу;
- растиражированность фразы, ее повторяемость и узнаваемость;
- чаще всего анонимность фразы, неизвестность автора первого словоупотребления.

Понятно, что не всякая фраза, ставшая мемом, может послужить источником создания неологизма. Так, например, известная фраза Д. Медведева («Просто денег нет сейчас. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья») стала мемом «Денег нет, но вы держитесь», но не породила неологизм. Можно предположить, что этому препятствует наличие автора, с которымочно связана эта фраза, а также то, что она представляет собой сложное предложение, которое является преградой для сворачивания информации в одно слово.

Обратим внимание, что все рассмотренные неологизмы образованы сложным способом: сращение/слияние + суффиксация, за счет которой неологизм становится наименованием субъектов, разделяющих, принимающих точку зрения, выраженную в производящем предложении. По сути, таким образом происходит экономия речевых усилий говорящего: вместо фразы «Этот человек считает, что все не так однозначно, как думают многие», используется одно слово *невсетакоднозначник*, которое безусловно относит человека, о котором речь, к определенной группе людей. Подобные неологизмы становятся маркерами проявления категории «свой – чужой», а следовательно, всегда имеют оценочное значение. Все «чужое» воспринимается с негативной оценкой. Неслучайно, подобные наименования используются по отношению к собеседнику или к третьим лицам, говоря о себе, говорящий обычно употребляет неологизм только с отрицанием.

Негативная оценка приводит к дальнейшей трансформации неологизма с ироничной рефлексией по поводу слова. Так, например, происходит с песней группы «Ленинград» – *Аналоговнет*:

*Нет у них анала и говнeta
А у нас есть тот и есть другой <...>
У нас есть аналоговнет,
Аналоговнета нигде большие нет.*

Ирония легко считывается слушателями, что проявляется и в комментариях: *Широко употребляемое госпропагандой выражение «аналоговнет» можно рассматривать как два противоположных утверждения: как «аналогов нет», или как «анало-говнет».* А какое значение вы считаете ближе к истине?¹⁴ Синтаксическая позиция неологизма в тексте совершенно четко показывает роль объекта обладания, который должен стать предметом гордости, но сочетание «анала и говнeta» показывает иллюзорность этого объекта и маркирует негативную оценку.

¹⁴ URL: <https://sprashivalka.com/questions/05aba97e>

Неологизмы могут в свою очередь служить производящей основой для дальнейшего процесса словообразования:

- *Религиозные силы РФ – это аналоговнетовые войска капиталистического колосса <...>. Все чаще чудеса аналоговнетики, как результат импортозамещения, появляются на просторах страны, которую понять невозможно¹⁵.*
- *Тогда я еще не знал, что это за поезд, но довольно-таки откровенно предложил свое название «НАШ АНАЛОГОВНЕТНЫЙ». <...> Мое креативное название почему-то проигнорировали и придумали менее «говорящее» – «Финист». Но не забыли в каждом предложении заявить о том, что это полностью «импортозамещенное изделие». А зачем зря тратить буквы? Время читателей? И писать такие длинные выражения? Когда можно обойтись одним – АНАЛОГОВНЕТНЫЙ! Сразу понятно: аналогов нет, полностью наш, ни одной иностранной детальки!¹⁶.*

• *Как утопительны в расее крейсера. Аналоговнетный «Москва» показал триумф российского позора¹⁷.*

• *Цена на топливо и электричество: Аналоговнетный ржач! 29.03.2025¹⁸.*

Примечателен с этой точки зрения мем «Крым наш». Отметим, что до появления неологизма *крымнашисты* лозунг «Крым наш!» стал производящей основой для появления лексемы *крымнаш*. Этот факт еще в 2015 г. отмечен И. Т. Вепревой: «Употребление фразы *Крым наш*, с одной стороны, в качестве призыва-лозунга, с другой стороны, в качестве выражения с целостным фразеологическим значением способствует наведению семантики номинализации, происходит смысловая свертка ситуации, связанной с присоединением Крыма. Крым наш начинает функционировать в двух ипостасях: как свободное предложение и как номинативная единица» [Вепрева, 2015, с. 32]. Отметим, что исследователь отмечает существовавшее в то время двойное графическое оформление нового слова: *Крым-наш* и *КрымНаш* [там же], которое позже было вытеснено слитным написанием *крымнаш*. И. Т. Вепрева отмечает приобретение новым словом стилистически окрашенного оценочно-характеризующего значения: *А вот и Владимир Соловьев, весь из себя Крымнаш, в программе «Полный контакт» беседует в Анной Шафран* (Арсеньевские вести (Владивосток); 14.08.2014). В результате развития оценочного значения лексема *крымнаш* стала производящей основой для появления существительного, обозначающего разделяющих точку зрения, выраженную в лозунге-меме.

• *Узнаете крымнашистов, у которых во всех их бедах виноваты американцы?¹⁹*

¹⁵ URL: <https://www.inpearls.ru/%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%82>

¹⁶ URL: https://pikabu.ru/story/chast_20_analogovnetnyiy_poezd_11061247

¹⁷ URL: https://vk.com/video172958938_456239043/

¹⁸ URL: <https://yandex.ru/video/search?channelId=ZHplbi5ydTs2M2NhZDE4OGVmOGVjNTJIYjEwMDYyN2I%3D&how=tm&promo=mail.ru&text>New+Hexogene+50>

¹⁹ URL: https://kmp1.org/articles/22592-pochemu_boljchinstvo_ljudej_tuporylye_krymnashisty_i_86.

- Так что список интеллектуалов-крымнашистов вряд ли кто-то при любом результате исторического процесса возьмется читать хотя бы до середины²⁰.

Кроме того, неологизм крымнаш стал производящей основой не только для наименования людей, но и для номинации идеологии:

- Поскольку главным патриотическим лозунгом 2014 года для россиян стал широко известный «Крым наш», то данная идеология получила неофициальное название «**крымнашизм**». Таким образом, применительно к реалиям сегодняшнего дня **крымнашизм** – это своеобразная квинтэссенция российского патриотизма, его наивысшее воплощение²¹.

Так, и Ю. Мориц в своем стихотворении использует мем для образования слова, которым именует идеологию:

Но если вы не свалите, сюжет
Поравалитства – на совсем другой ступеньке:
Там покупает государственный бюджет
Поравалитиков за бешеные деньги²².

Фраза-мем может быть производящей основой не только для существительного, но и для других частей речи, хотя значительно реже:

- В детстве каждый из нас видел граффити, только называли данное искусство гораздо проще «**Назаборенаписано**»²³.

Известное выражение «крышу снесло» зафиксировано в поисковой базе «Новое в русской лексике» и означает: «привести в состояние крайнего возбуждения, восторга; лишить возможности здраво рассуждать. Да так, что буквально “снес крышу” умудренному творческим и жизненным опытом жюри фестиваля (Калуга вечерняя, 05.04.1997). Мистические барабанные ритмы, ни с чем несравнимая манера пения (что-то среднее между григорианскими хоралами и напевами тувинских табунщиков) и протяжные соло на “тембу” (пятиструнная скрипка) очень скоро “снесли крышу” густо набившимся ценителям фольклора (Вечерний клуб, 18.12.1999). **безл.** Как только тюльпан попал в Голландию, у жителей этой климатически малоприятной для выращивания цветов страны совершенно снесло крышу (Молодежный курьер [Волгоград], 05.07.1997). Злые языки поговаривают, что именно после этого у энергетиков “снесло крышу” и они решили отдать владивостокский ТЭК Белецкому (Новости Владивостока [novostivl.ru], 16.06.2000)»²⁴.

Несмотря на то, что эта устойчивая фраза имеет статус неологизма, она в свою очередь стала производящей основой для слов (прилагательного и наречия), которые в этой базе не отмечены:

- Сегодня был сногшибательный и **крышусносительный** день²⁵;

²⁰ URL: <https://exitum.org/articles/240515/>

²¹ URL: <https://proza.ru/2016/07/15/1223>

²² URL: <https://mypensiya.mirtesen.ru/blog/43183820355/-Poravalitiki-davno-valit-pora-Doroga-skatertyu-ni-puha-ni-pera->

²³ URL: <https://dzhanelly.com/nazabore/tproduct/603528557642-sergi-zdes-i-seichas>

²⁴ URL: <https://neolex.ilng.spb.ru/node/25917>

²⁵ URL: https://vk.com/wall-141545866_1786

- ... у меня ребенок возражает постоянно, пулеметно, *крышусносительно*²⁶;
- В целом, смесь наивности «БАМовских» песенок и эстетики лаунжа. круто просто *крышусносительно*²⁷.

Выводы. Итак, анализ языкового материала убедительно показывает расширение базы неологизмов за счет использования предикативных единиц в качестве производящей основы. Эти предикативные единицы должны соответствовать ряду условий, без соблюдения которых не может образоваться новое слово. Несмотря на то, что зафиксированные примеры свидетельствуют о морфологической, деривационной и смысловой динамике, их написание неустойчиво: неологизмы либо берутся в кавычки, либо встречается написание и без них.

Можно предположить, что выбор оформления слова кавычками свидетельствует об осознанности автором словаупотребления окказиональной природы лексемы, написание без кавычек свидетельствует о более глубоком проникновении слова в лексикон русскоязычных. Это связано с временными характеристиками существования неологизма. Так как их появление обусловлено социальной значимостью события, то они актуальны и активно используются до тех пор, пока событие значимо, актуально для социума. С утратой актуальности события забываются и неологизмы.

²⁶ URL: <https://conf.7ya.ru/fulltext-thread.aspx?cnf=Family&trd=29349>

²⁷ URL: <https://moonbathe-skin.livejournal.com/40025.html>

Литература

- Аникина, Т. В. (2016). Интернет-мем в условиях современной коммуникации. *Новая наука: опыт, традиции, инновации*, 8–2, 54–58.
- Арутюнова, Н. Д. (1977). Номинация и текст. *Языковая номинация. Виды наименований* (с. 304–357). Москва: Наука.
- Бенвенист, Э. (1974). *Общая лингвистика*. Москва: Прогресс.
- Великолуг, Л. В. (2020). Лингвокультурологический анализ прецедентных феноменов как способ формирования межкультурной коммуникации. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 7(836), 231–241.
- Вепрева, И. Т. (2015). Об актуальной лексеме Крымнаш. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада (Испания), 13–20 сентября 2015 г.: в 15 т. Т. 2: Современный русский язык: социолингвистические аспекты исследования* (с. 31–35). Санкт-Петербург: МАПРЯЛ.
- Гак, В. Г. (1973). Высказывание и ситуация. *Проблемы структурной лингвистики 1972: сборник статей* (с. 349–372). Москва: Наука.
- Гридина, Т. А. (2023). Коды языковой игры в эргонимах сферы «мир детства»: лексикографическое представление. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 21, 48–65.
- Жданова, Е. А., & Рацбурская, Л. В. (2015). Медийные новообразования как средство отражения современной украинской действительности. *Филология и культура = Philology and culture*, 2(40), 46–53.
- Лаппо, М. А. (2025). Активные процессы в словообразовании (на материале эргонимов г. Новосибирска). *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 23, 66–77.
- Мирзоева, Л. Ю. (2018). Словотворчество как отражение лингвокреативного потенциала политической интернет-коммуникации. Уральский филологический вестник. Серия. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива, 2(27), 322–329.
- Мирзоева, Л. Ю. (2019). Словотворчество в интернет-сети и проблемы экологии языка. *Экология языка и коммуникативная практика*, 2(17), 26–34. <https://doi.org/10.17516/2311-3499-055>
- Норман, Б. Ю. (2004). Слово и предложение, номинация и коммуникация. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 2, 74–90.
- Русский язык коронавирусной эпохи (2021): коллективная монография. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований.
- Стексова, Т. И. (2025). Идентификация номинативной функции эргонимов в языковом сознании студентов-филологов. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 23, 126–137.

References

- Anikina, T. V. (2016). Internet meme in the context of modern communication. *Novaya nauka: opyt, traditsii, innovatsii*, 8(2), 54–58. (In Russian).
- Arutyunova, N. D. (1977). Nomination and text. *Language nomination. Types of nominations* (pp. 304–357). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Benveniste, E. (1974). *Problems in general linguistics*. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Gak, V. G. (1973). Statement and situation. *Problems of structural linguistics 1972: collection of articles* (pp. 349–372) Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Gridina, T. A. (2023). Codes of language game in ergonyms of the sphere “world of childhood”: lexicographic representation. *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Study*, 21, 48–65. (In Russian).
- Lappo, M. A. (2025). Active processes in word formation (based on ergonyms of Novosibirsk). *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Study*, 23, 66–77. (In Russian).
- Mirzoeva, L. Yu. (2018). Word formation as a result of lingua-creative potential of political communication via internet network. *Ural Philological Herald. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2, 322–329. (In Russian).
- Mirzoeva, L. Yu. (2019). Word creation in internet network and language ecology. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2(17), 26–34. (In Russian).
- Norman, B. Yu. (2004). Word and sentence, nomination and communication. *Psycholinguistic Aspects of Speech Activity Study*, 2, 71–87. (In Russian).
- Russian language of the coronavirus era* (2021): collective monograph. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Shmeleva, E. Ya. (2015). Internet communication: new trends in Russian word formation. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2, 46–52. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2017). Communicative units on city signs. *Russian Language Abroad*, 5(264), 14–18. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2019). Polycode phenomenon of urban onomasticon. *Communication Studies (Russia)*, 6(1), 51–66. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).51-66](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).51-66) (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2020). *Velikiy Novgorod: onomastic portrait*. Velikiy Novgorod: Pechatny Dvor Publ. (In Russian).
- Steksova, T. I. (2025). Identification of the nominative function of ergonyms in the linguistic consciousness of philology students. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 23, 126–137. (In Russian).
- Ulukhanov, I. S. (1996). *Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation*. Moscow: Astra Sem Publ. (In Russian).
- Velikolug, L. V. (2020). Linguocultural analysis of precedent phenomena as a method of developing intercultural communicative competence. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 7(836), 231–241. (In Russian).

Улуханов, И. С. (1996). *Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация*. Москва: Астра семь.

Шмелева, Е. Я. (2015). Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании. *Верхневолжский филологический вестник*, 2, 46–52.

Шмелева, Т. В. (2017). Коммуникативные единицы на городских вывесках. *Русский язык за рубежом*, 5(264), 14–18.

Шмелева, Т. В. (2019). Поликодовость городского ономастикона. *Коммуникативные исследования*, 6(1), 51–66. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).51-66](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).51-66)

Шмелева, Т. В. (2020). *Великий Новгород: ономастический портрет*. Великий Новгород: Печатный двор.

Vepreva, I. T. (2015). On the current lexeme Krymnash. *Russian language and literature in the space of world culture. Proceedings of the XIII Congress of MAPRYAL: in 15 vols. Vol. 2: Modern Russian language: sociolinguistic aspects of research*. (pp. 31–35). St. Petersburg: International Association of Teachers of Russian Language and Literature Publ. (In Russian).

Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2015). Media innovations as a means of reflecting the contemporary Ukrainian reality. *Philology and Culture*, 2(40), 46–53. (In Russian).

Для цитирования:

Стексова, Т. И. (2025). Фразы-мемы как источник неологизмов. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 35–45. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-35-45](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-35-45)

For citation:

Steksova, T. I. (2025). Phrases-memes as source of neologisms. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 35–45. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-35-45](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-35-45) (In Russian).

Префиксойды как средство выражения оценочности

Н. И. Коновалова

Prefixoids as evaluation means

N. I. Konovalova

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор; Уральский государственный педагогический университет; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: sakralist@mail.ru

Статья поступила: 17.04.2025. Принята к печати: 25.06.2025.

Статья посвящена анализу активных словообразовательных тенденций в русском языке начала XXI века. Предмет исследования – префиксойды, представляющие собой открытую систему, в которой наблюдаются различные динамические процессы. С одной стороны, отдельные элементы системы подвергаются деактуализации, а с другой – в ней появляются и становятся актуальными новые словообразовательные форманты или значения многозначных префиксOIDов. Определен статус префиксOIDов в структуре производного слова, выявлено соотношение префиксOIDов с префиксами на основе их функции, позиции в слове и регулярности в выражении определенного типа словообразовательного значения. Представлен анализ лексикографических практик описания этих формантов в толковых словарях (традиционных и словарях актуальной лексики). Материалом для анализа стал современный медиадискурс, который является полем реализации потенциала префиксOIDов в выражении оценки элементов коммуникативных ситуаций. Учет дискурсивных факторов при интерпретации словообразовательной идиоматики производных с префиксOIDами, а также взаимоотношения формантов в системе дают возможность выявить продуктивность конкретных префиксOIDов. Для решения этой задачи использованы инструменты корпусной лингвистики. Особое внимание уделено семантическим сдвигам в структуре значения актуальных префиксOIDов и новым формантам, зафиксированным в информационно-аналитической базе данных Интегрум-Профи, Информационно-поисковом лексикографическом ресурсе «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Некоторые новые префиксOIDы еще не имеют словарной фиксации, но неоднократно (в отличие от окказионализмов) встречаются в информационном поле массмедиа. На словообразовательном материале продемонстрирована операциональность методики, разработанной Т.В. Шмелевой для анализа «слов текущего момента». Анализ материала позволил выявить тенденции, наблюдаемые в словообразовательной системе современного русского языка, к наиболее важным из которых относятся специализация семантически дублирующихся префиксOIDов и приобретение нейтральными префиксOIDами способности выражать различные оценки, как рациональные, так и

Nadezhda I. Konovalova – Dr. Sci. in Philology, Professor; Ural State Pedagogical University; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8541-1014

Received: 17.04.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

This article focuses on the analysis of active word-formation trends in the Russian language during the early 21st century. The study centers on prefixoids, which constitute an open system characterized by various dynamic processes. While certain elements of this system undergo de-actualization, novel word-formation formants and new meanings of polysemantic prefixoids emerge and gain relevance. The status of prefixoids within the structure of derivative words is examined, and their relationship with prefixes is elucidated based on function, positional features, and their consistent role in expressing specific types of word-formation meanings. The paper also presents an analysis of lexicographic practices in describing these formants within explanatory dictionaries, including both traditional and contemporary vocabulary dictionaries. The primary empirical material comprises modern media discourse, which serves as a field for the realization of prefixoids' potential in conveying evaluative aspects of communicative contexts. Considering discursive factors in the interpretation of word-formation idioms involving prefixoids, along with the interrelations of formants within the system, enables the identification of the productivity of particular prefixoids. To address this issue, corpus linguistic tools were employed. Special attention is given to semantic shifts in the meanings of topical prefixoids and new formants documented in the Integrum-Profi information and analytical database, as well as the "New in Russian vocabulary. Dictionary materials" retrieval lexicographic resource. Some novel prefixoids, while not yet lexicographically recorded, repeatedly occur – unlike mere occasionalisms – within mass media discourse. The word-formation data demonstrate the effectiveness of T. V. Shmeleva's methodology for analyzing "words of the moment". The analysis reveals observable trends within the word-formation system of contemporary Russian, most notably the specialization of semantically overlapping prefixoids and the acquisition by neutral prefixoids of the capacity to express a range of evaluations, both rational and emotional-expressive, contingent on the lexical base of the generator.

эмоционально-экспрессивные в зависимости от лексической основы производящего.

Ключевые слова: префиксoids, неологизмы, массмедиа, словообразование, оценочность. **Keywords:** prefixoids, neologisms, massmedia, word formation, evaluativeness

УДК 811.161.1:81'373.43:070:004.9

OECD: 5.08EU+6.02OY

V

Постановка проблемы. Традиционно принято считать, что наиболее динамичным участком языковой системы является лексика [Гаспаров, Купина, 2014; Михайлова, 2022], о чем свидетельствует массив заимствований и инноваций, в том числе окказиональных, слов «однократного употребления» [Козловская, Павлова, 2024, с. 10].

При таком подходе в фокусе анализа оказываются неологизмы, семантизация которых осуществляется посредством «вписывания» их в уже существующие тематические кластеры. Однако анализ процессов, происходящих в языке на наших глазах, демонстрирует максимальную активность словообразовательных механизмов, приводящих к обновлению словарного состава (даже в значительно большей степени, чем заимствования) и актуализирующих некоторые словообразовательные модели, а также порождающих новые [Гридина, 2014].

Важным в этой связи представляется определение рабочего понятия «словообразовательный механизм», который мы понимаем как «процесс моделирования производного слова, включающий процедуры парадигматического выбора словообразовательной модели между производными одного или разных типов для создания конвенциональной единицы» [Коновалова и др., 2025, с. 79]. Такое определение учитывает условия функционирования и развития словообразовательного механизма: «влияние экстралингвистических причин: социального заказа, общественной значимости явления – и собственно лингвистических факторов: системных возможностей языка, семантических аналогий, синтагматических закономерностей, наличия / отсутствия оценочных и стилистических коннотаций» [Там же]. Наиболее яркой сферой словообразования и «апробации» словообразовательных неологизмов является современный медиадискурс. Для него характерна установка на выражение оценки в явной или скрытой форме. Существенным параметром определения специфики воздействия медиадискурса является рациональность или эмоциональность оценочных характеристик.

Одним из средств выражения оценочности в русском языке выступают **префиксoids**, анализ которых составляет предмет исследования в данной статье. Заметим, что термин «префиксoid» не является общепринятым в теории словообразования; не все исследователи деривационных процессов выделяют префиксoids (см. например, «Русскую грамматику-80» и др. авторитетные источники, где понятия «префиксoid» нет), а тот элемент, который предшествует корню и выступает как словообразующий формант, считают частью (вторым корнем) сложного слова. Основания для такого подхода в целом понятны: префиксoids представляют собой особую группу словообразовательных элементов, которые занимают промежуточное положение между служебными и корневыми морфемами.

Другой вариант квалификации – недифференцированное употребление термина префиксы по отношению и к собственно префиксам, и к префиксOIDам. Один из последних примеров такого рода: «Особенно активно “эмансипируются” префиксы пере-, недо-, гипер-, супер-, псевдо-» [Николина, Петрова, 2025, с. 126]. Применительно к описываемому авторами процессу лексикализации – превращения морфем в самостоятельную лексическую единицу» [Там же, с. 126], дифференциация аффиксов непринципиальна. Но все-таки в отличие от большинства префиксов, которые выражают «чистое» словообразовательное или грамматико-словообразовательное значение, семантика префиксOIDа не может быть интерпретирована только через соотнесение с производящим и его частеречной принадлежностью.

Приведем в качестве примера лексикографическое описание в толковых словарях префиксов и префиксOIDов: «**про...**, приставка. I. Образует глаголы со знач.: 1) действия, направленного сквозь, через что-н.; 2) действия, распространяющегося во всей полноте на весь предмет; 3) движения мимо чего-н. или продвижения вперед; ... 9) собственно предела действия» [Шведова, 2007, с. 745]. При этом как элемент толкования значения каждый раз дается группа префиксальных производных слов (глаголов, существительных, прилагательных), отсылающих к производящему для иллюстрации семантических приращений (словообразовательной идиоматики). Ср. лексикографическую семантизацию префиксOIDов: «**про-** II. Образует 1) существительные и прилагательные со знач. сторонник кого-чего-н., действующий в чьих-н. интересах, напр. промодернист, проанглийский; ... 4) существительные со знач. заменяющий, действующий или существующий вместо кого-чего-н., напр., проректор, проконсул» [Там же]. В данном случае представлено мотивационно-словообразовательное значение, объясняющее лексическую семантику производного слова через производящее. Заметим, что здесь уже не определяется статус *про*-, но часто по отношению к таким единицам применяют описание типа «первая часть сложных слов со значением ...».

Таким образом, префиксOID выражает значение, среднее между лексическим и словообразовательным. Его можно рассматривать как один из вариантов словообразовательного значения, определяемого через мотивационный перифраз: «*теле* – первая часть сложных слов со знач. 1) относящийся к телевидению (телевещание, телебашня); ... 2) относящийся к телевизору (телеэкран); ... 3) относящийся к работе, регулируемой с дальних расстояний различными средствами связи (телеизмерение, телеуправление)» [Шведова, 2007, с. 974].

В самом широком виде префиксOIDы рассматриваются как начальные компоненты сложных слов, которые «... в структурно-словообразовательном отношении выполняют роль, сходную с ролью аффиксов» [Козулина и др., 2009, с. 2]. Можно несколько конкретизировать это определение и рассматривать «префиксOID» как словообразовательный формант, находящийся в препозиции к корню, регулярно повторяющийся при образовании производных по одному и тому же словообразовательному типу. В отличие от префикса, он встречается только в сложных словах и в некоторых случаях (в определенной речевой ситуации) может выступать как самостоятельное слово, отрываясь от «поддерживающей» его лексической основы.

Это обстоятельство, в частности, является одним из оснований для определения статуса таких формантов как «особого грамматического класса слов – аналитических прилагательных» [Панов, 2004, с. 139–150]. Таким образом, обнаруживается еще один ракурс рассмотрения проблемы статуса префиксOIDа, уже не в соотношении с префиксами, а в соотношении со словом. Описывая форманты типа экс-, супер-, ультра-, псевдо-, М. В. Панов пишет, что «... по происхождению это приставки-интернационализмы. Но сейчас-то они уже псевдо-префиксы, обрели все признаки слова, а, став словами, они неизбежно попадают в класс аналитических прилагательных. Какие признаки? Свободная, нефразеологическая сочетаемость с существительными (приставки-то фразеологичны! это в их природе). Сочетаемость с частицами. Фонетическая примета слова: особое, персональное ударение» [Там же, с. 141].

В настоящей работе обсуждается проблема префиксOIDов как средства оценочной характеристики обозначаемого словом факта.

История вопроса. Данная статья вписывается в русло исследований динамических процессов в русском языке последних десятилетий. Отметим лишь некоторые направления таких исследований, связанных со словообразовательной неологией: анализ тенденций адаптации заимствований в русском языке; актуализация отдельных словообразовательных формантов, уже имеющихся в языке и получивших новую «жизнь» в современной коммуникации [Николина и др., 2020]; расширение репертуара словообразовательных формантов за счет включения элементов разных семиотических систем в процесс графодеривации [Попова, 2013]; изменение функций единиц словообразовательной системы, в частности, в процессах словотворчества [Гридина, 2014] и медийной коммуникации [Рацибурская, 2024]; проблемы лексикографической интерпретации неодериватов [Ридецкая 2023; Скляревская, 2001, 2007] и др. Особый интерес в связи с заявленным нами аспектом исследования префиксOIDов представляет не имеющий аналогов проект сотрудников ИЛИ РАН «Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника» [Козулина и др., 2009], в котором предпринято комплексное описание 870 аффиксоидов, зафиксированных в составе сложных слов.

ПрефиксOIDы в русском языке представляют собой открытую систему, в которой наблюдаются динамические процессы: с одной стороны, процессы устаревания и утраты отдельных единиц, а с другой – появления и закрепления новых словообразовательных элементов и / или актуализации отдельных компонентов значения многозначных префиксOIDов в соответствии с новыми экстралингвистическими обстоятельствами [Гридина, Коновалова, 2025].

Очень показательными являются, на наш взгляд, статистические данные, касающиеся способов образования неологизмов с помощью префиксOIDов (по данным проекта Института лингвистических исследований РАН «Новое в русской лексике»): в 2015 году зафиксировано 148 префиксOIDных неологизмов (в т. ч. 106 с дефисным написанием, 42 со слитным), а в 2017 году – уже 280 (в т. ч. 263 с дефисным написанием, 17 со слитным) [Ридецкая, 2023, с. 33]. Совершенно очевидно абсолютное преобладание этого словообразовательного средства (и соответственно, способа словообразования) над другими средствами

от примерно равного общего количества зафиксированных единиц (480 в 2015 году и 476 в 2017 году соответственно). Не случайным является сам факт указания на двоякое написание префиксOIDов, поскольку нормативные словари отстают от живой практики функционирования новых морфем, и некоторое время можно наблюдать «орфографическую анархию» их употребления в медийном дискурсе, в какой-то степени поддержанную графодеривацией. Ср., например:

Пролига Океании – лига команд по компьютерным играм; *про-лига* Персидского залива – высший дивизион футбольных лиг региона; *профеминизм* – движение в поддержку феминизма; «*ПРО100*», – российская платежная система; *ПроТур*, *ПроСерия* – названия сезонных шоссейных соревнований; *PRO-Новости*, *pro-новостная страница* – ежедневная подборка новостей о мире шоу-бизнеса (dzen.ru) и др.

Методология и методика исследования. Материал для анализа извлекался методом фокус-выборки из нескольких наиболее репрезентативных регулярно обновляемых источников: информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН, электронного ресурса поисково-аналитической системы «Интегрум-профи», где представлены полнотекстовые версии центральных и региональных периодических изданий РФ и стран СНГ; Российской контентной блог-платформы Дзен, Национального корпуса русского языка и др. (см. список источников).

В соответствии с задачами исследования использовались методы контекстуального, дефиниционного и компонентного анализа (для выявления динамических процессов в структуре значения производных слов, в том числе – метафоризации и оценочной акцентированности семантики деривата), сопоставления и классификации (при определении тематических групп лексики, в которых наблюдается значительная активность префиксOIDов), инструменты корпусной лингвистики (для ранжирования частот префиксOIDов, определения их словообразовательной активности в разных моделях деривации).

Методологически значимой для целей нашего исследования является концепция словообразования с позиций теории речевой деятельности [Сахарный, 1985], которая позволяет анализировать производное слово как свернутую коммуникативную номинацию (с учетом типа коммуникативной ситуации и ее места в контексте). Здесь контекст понимается в широком смысле: как связь деривата с другими единицами текста и как условия его функционирования, определяемые дискурсом. См. в этой связи опериональность введенной Т. В. Шмелевой единицы анализа актуальной лексики «ключевое слово текущего момента» [Шмелева, 1993] и его параметров «... трех аспектов существования слова – текстового, лексического и грамматического» [Шмелева, 2009, с. 63].

Далее покажем, как работает эта методика на словообразовательном материале применительно к актуализации существующих в языке префиксOIDов и тех, которые появились в языке совсем недавно, но уже стали регулярными и активно функционируют в медийном пространстве.

Анализ материала. Если исходить из того, что производное слово является коммуникативной номинацией, то все указанные выше характеристики актуальной лексики в полной мере отражают сущность как префиксOIDных неодериватов, так и самих префиксOIDов, без которых часто невозможно «ощущение новизны» актуальной лексемы. Почему? Возможно, потому, что префиксOIDы, обладая синкетичностью лексической и словообразовательной семантики, в большей степени «приспособлены» для этой цели, так как обладают более широкими сочетаемостными возможностями, чем слово с его устоявшимися синтагматическими связями. Продемонстрируем операциональность характеристик и методики анализа «ключевого слова текущего момента» (см. [Шмелева, 2009, с. 63–67]) применительно к описываемому материалу, выполняющему словообразующую функцию:

– «текстовый аспект», характеризующийся параметрами «частотности, массовой языковой рефлексией, текстогенностью», проявляется, во-первых, в очень быстром росте количества производных по одной словообразовательной модели с префиксOIDом, присоединяемым к производящим разных тематических групп (например, ПРО-: *прозападный, пророссийский, проамериканский, проимперский, провластный, проевропейский, прореспубликанский, продемократический* и т. д.); во-вторых, о массовой метаязыковой рефлексии можно судить хотя бы по количеству запросов (так, только на один вопрос – *о правилах написания слов с префиксOIDом про-//Pro-//PRO-* на одном ресурсе dzen.ru – зафиксировано 6424 запроса за минуту); в-третьих, «текстогенность», по Т. В. Шмелевой, – «способность порождать вокруг себя массу текстов, <которые> превосходят задачу обмена информацией» [Там же, с. 65]. Интересно, что это качество проявляется применительно даже не к производным, а к самому префиксOIDу: в информационном поле массмедиа представлено не только множество текстов рекламного характера, но и текстов-рефлексивов, например, по поводу значения и написания префиксOIDа («*Про- говорит нам о продвинутости продукта*» (*kommersant.ru*); *Pro- означает professional* – «*профессиональный*» (*media.mts.ru*)) и др.;

– лексический аспект связан с системными изменениями в семантике префиксOIDа: новая синтагматика (в структуре производного) переводит его в другие лексико-семантические парадигмы. Например: ФЬЮЖЕН- // ФЬЮЖН- относящийся к сфере названий стилей и направлений в искусстве (*фьюжн-арт, фьюжн-дизайн*). В медиадискурсе наблюдается расширение сочетаемости префиксOIDа: *фьюжн-форум, посвященный проблемам использования искусственного интеллекта; фьюжен-проект лидеров* (*government.ru*); *фьюжен-тесто* (комментарий на *litres* к сказке «Подлинная история колобка»); *фьюжн-диагностика* (*trends.rbc.ru*). При этом сема «относящийся к искусству» вытесняется на периферию структуры значения префиксOIDа, актуальной становится исходная сема (ср. англ. *fusion* «сплав, соединение»). Часто префиксOIDы, изначально безоценочные, стилистически нейтральные, приобретают коннотации изысканности, высокого стиля: *Фьюжен-кухня, отлично вообще! – похвалил он, салютуя королю двузубой серебряной вилочкой, мизинец на орочьей лапище при этом был куртуазно оттопырен* (комментарий на *litres* к книге «Витязь. Тенета тьмы»); *10 лучших фьюжн-ресторанов Екатеринбурга; изысканные фьюжн-напитки; фьюжн-кафе в центре Екатеринбурга с интересным*

фьюжн-меню и ужином от итальянского шеф-повара; лучшая фьюжн-еда на самый изысканный вкус (dzen.ru);

– грамматический аспект можно рассматривать, в частности, в плане активизации словообразовательных механизмов моделирования сложных дериватов, включающих два префиксона. Например, СУПЕР- + МИНИ- для выражения экспрессивной оценки размера, качества и т. п.: *супер-мини-компьютер; ТОП-топ-арт-дизайн; топ-арт-инсталляция; топ-арт-студия* (ru.wiktionary.org). При сложении двух (и даже трех) префиксона отмечается ситуация их функционирования в качестве самостоятельного слова: *нео-поп-арт* – «направление художественного движения в постмодернизме»; *треш-арт* – «искусство, задействующее старый хлам», *видео-арт* – «направление в современном искусстве, в котором для выражения художественной концепции используются возможности видеотехники, компьютерного и телевизионного изображения» (ru.wiktionary.org) и др. В таких случаях проблемным является определение статуса префиксона в словообразовательной структуре производного.

Анализ словообразовательной продуктивности префиксона в лексике последнего десятилетия позволяет выявить некоторые тенденции.

Изменение рейтинга частотности префиксона. Так, к наиболее активным (по сводным данным использованных информационно-аналитических ресурсов) относятся: АРТ- «обозначает связь с искусством и культурой» (*арт-истеблишмент, арт-карьера, арт-терапия, арт-тусовка, арт-объект, арт-дилер*); ВЕБ- «обозначает связь с интернетом» (*веб-сайт, веб-страница, веб-ссылка, веб-приложение, веб-стандарты, веб-ресурсы, веб-займ*); НАНО- «используется для обозначения микроскопических размеров» (*нанотехнологии, наночастицы, наноматериалы, наноиндустрия, наномедицина, наносекунда*); ПРОМО- «продвижение, реклама чего-либо» (*промоакция, промогруппа, промокод, промотур, промосингл, промомодель*); МЕДИА- «относящийся к средствам массовой информации» (*медиаканал, медиаконвертер, медиамаркетинг, медиапространство, медиарынок, медиабаинг, медиабайер*). Не все из этих префиксона, входящих в топ-5 изначально содержат оценочное словообразовательное значение, однако их «взрывная» продуктивность приводит к расширению сочетаемостных возможностей, что при соединении с какой-либо лексической основой (в том числе нейтральной) порождает оценочные дериваты, эмотивы и/или экспрессивы, а также новые метафоры, переносное значение которых осознается только в сочетании обеих частей производного. Ср.: *веб-шипион* – «программа онлайн-слежения»; *веб-дурдом* – «форум свободного общения и отдыха»; *промо-герлз, промо-модель* – «девушки модельной внешности, которых нанимают на рекламные мероприятия для привлечения внимания к продукции фирм»; *веб-грамотей* – «качественный онлайн-тренажер по русскому языку», *медиаимперия* – «холдинг, в состав которого входит значительное количество медиаресурсов с целью влияния на общественное мнение»; *медиамагнат* – «владелец медиакомпании, обладающий большим влиянием на общественное мнение»; *медиадонор* – «платформа, где медийные личности и бизнес участвуют в благотворительных мероприятиях» и т. п. Ср. в этой связи анализ инноваций в современном медийном тексте, в частности, дериватов, включающих

«... аффиксы, у которых отсутствует в словаре экспрессивно-оценочная характеристика, но которые развиваются определенную оценочность в деривационных процессах» [Рацибурская, 2025, с. 153].

Нетрудно заметить, что все «топовые» префикссоиды иноязычные, и это в целом соответствует общим тенденциям развития современного русского языка и объясняется экстраглавиическими причинами. Единственный собственно русский префикссоид, конкурирующий с заимствованиями, *СВЕРХ-*, который, только по данным ru.wiktionary.org, имеет 244 производных. О его продуктивности можно судить хотя бы по количеству производных в литературном сегменте «Словообразовательного словаря русского языка» под ред. А. Н. Тихонова (1990), где зафиксировано 113 дериватов с этим префиксом, то есть в настоящее время отмечается их рост более чем в два раза. Возможно, это объясняется семантической и синтагматической «комфортностью» данного префиксса, который не привязан к какой-либо конкретной денотативной сфере, «образует существительные и прилагательные со значением высокой степени или превышения признака» [Шведова, 2007, с. 860].

Специализация семантически дублирующихся префикссоидов. Например, в группе «размерных» префикссоидов с общим значением «малый размер» *МИНИ-* обычно относится к чему-либо минимального размера [Шведова, 2007, с. 449], в то время как *МИКРО-* указывает на чрезвычайно малое в единицах измерения [Там же, с. 447], чаще в контекстах, где требуется высокая степень детализации обозначаемого. Однако эти нюансы редко учитываются в речевой деятельности, когда носители языка осуществляют парадигматический выбор словообразовательный модели для номинации. Ср., например: *минивэн*, *мини-автомобиль*, но *микроавтобус*; *минимарт*, но *микрорайон* и т. д. Относительно новый в ряду «размерных» префикссоид *НАНО-* со значением «миллиардная часть чего-либо» пока (во всяком случае в прямом значении) специализируется на выражении научной информации.

Приобретение нейтральными префикссоидами оценочной функции. При этом они способны выражать различные оценки – как рациональные, так и ярко выраженные экспрессивные. Особенно отчетливо оценочная функция префикссоидов проявляется в ироническом контексте, когда их семантика противоречит семантике производящего. Например, *НАНО-* *нано-роман* (о коротком произведении), *нанозарплата* (о мизерной зарплате), *нанорешения* – о неэффективных решениях, *наноуправление* – о неэффективном руководстве, *наноуспех* – о незначительных достижениях (*ruscorpora.ru*) и т. д. Можно отметить, что в семантической структуре инновации «просвечивает» связь с исходной семой, подвергшейся оценочной интерпретации. Ср., например, *ТОП-* (от англ. *Top* – «верх»): *топ-модель* – модель *высшей* категории; *топ-менеджер* – руководитель *высшего* звена; *топ-новости* – *самые важные* новости дня; *топ-список* – перечень *лучших* представителей кого-чего-либо; *топ-блогер* – *наиболее популярный* блогер с большой аудиторией; *Топ-10 лучших* ресторанов Екатеринбурга (*dzen.ru*).

Появление новых префикссоидов. Они в разной степени удачны, но все-таки соответствуют признакам этого форманта. Например, *ЛАЙТ-* *Лайт-мужчина: с лайт-мужчинами никаких конфликтов и напрягов, а где их взять?* (*trends.rbc.ru*);

Моя сестра ищет лайт-мужчину для отношений, говорит, что устала от сложных характеров; На отдыхе особенно ценишь лайт-мужчину – он не усложняет, не драматизирует (integrum.ru); Для соседа по даче лайт-мужчина идеальный вариант; Мне бы лучше лайт-мужчину, без всяких обязательств и заморочек; Они все ценят его как лайт-мужчину – он один у них такой спокойный (dzen.ru). В разговорной речи фиксируются оба варианта: лайт-мужчина и мужчина-лайт – это равнозначные выражения, где лайт- выступает как префиксOID и как суффиксOID. Оба варианта используются в разговорной речи для описания неконфликтного, позитивно настроенного человека, комфорtnого в общении, с легким характером.

Другой пример нового префиксOIDа создан на базе устойчивого сочетания *так себе* со значением «весъма посредственно, ни хорошо, ни плохо» (кажется, это единственный префиксOID такого рода). Он представлен в медиадискурсе в трех вариантах написания: слитно с производящим, через дефис и как графодериват с решеткой (октоторпом), который обычно используется как знак хештега, – **ТАКСЕБЕ-** // **#ТАКСЕБЕ**. Интересно, что этот элемент с раздельным графическим оформлением рассматривался М. В. Пановым как случай «превращения фразеологических сочетаний в аналитические прилагательные: *он так себе писатель; не люблю я всех этих так себе романов*» [Панов, 1971, с. 146]. Большой массив «внутрисловного» употребления этого сочетания демонстрирует дальнейшее движение устойчивого сочетания к слову, далее – части слова с атрибутивным значением и может, по-видимому, рассматриваться как проявление тенденции к аналитизму, а структура деривационного значения как пропозициональная: *В этом ресторане подают таксебе-еду, но цены при этом довольно высокие; Купил таксебекроссовки, теперь они разваливаются после первой недели; таксебекамеры, фотографии получаются размытыми даже при хорошем освещении; Фильм получил таксебе-отзывы от критиков, но зрителям понравился; В этом отеле предлагаю таксебесервис – номера грязные, персонал невежливый; у этого ноута таксебепроцессор, работает очень медленно; В DNS таксебенаушники, ломаются через месяц (trends.rbc.ru); Почистили дроссель. #Таксебесервис (outlander-forum.ru); как правило, all inclusive грешат конвейерностью и таксебесервисом (arivick.livejournal.com); Как по мне, унылая скучная деревня, с непомерно высокими ценами за таксебесервис, Турция куда как интереснее (habr.com/ru); Вкратце – манагеры тупы и ленивы, при этом очень ранними в плане религиозных чувств. Поэтому не тратьте свое время на их таксебесервис (mobi hobby.ru).* Конечно, этот формант вряд ли закрепится в качестве префиксOIDа, слишком уж он громоздкий, «так-себе-префиксOID», внесистемный (не вписывающийся в известные словообразовательные модели), но имеет право на существование в качестве иллюстрации живых деривационных процессов. Ср. антропоморфную метафору: «Язык неспешно, но упорно отбирает себе пополнение из массы речевых новообразований» [Панов, 1971, с. 142].

Интересной представляется еще одна (постоянно расширяющаяся) группа префиксOIDов, образованных на базе аббревиатур. Так, в словарях актуальной лексики [Скларевская, 2001, с. 135; 2007, с. 204] зафиксирован один дериват с префиксOIDом **ВИП-** (**ВИП-гость**). Дзен (dzen.ru) и Викисловарь (ru.wiktionary.org) дают более 20 слов

с учетом еще одного написания *VIP*: *ВИП-охотник* – высокопоставленный охотник (чиновник); *ВИП-протест* – о привилегированном участии в акциях; *ВИП-клуб* – клуб для ВИПов; *ВИП-могилы* – о дорогих захоронениях; *ВИП-очередь* – о привилегиях в ожидании; *VIP-персона*, *VIP-мероприятие* и др. Подобным образом создана номинация *ГМО-волк*, в которой каждая часть содержит отрицательные коннотации, а при соединении друг с другом «гибридный кошмар» усиливается: *это лишь серый волк с чертами, похожими на того самого древнего крупного хищника. То есть не возрожденный «ужасный волк», а, скорее, «гибрид»*. Эксперты: *ГМО-волки на воле* – не лучшая идея (neolex.iiling.spb.ru); *Оп-арт* (от оптика, оптический + арт-) – то же, что оптическое искусство; авангардистское течение в западноевропейском искусстве 1950–1960-х гг., использующее в своих целях игру «фигуры и фона», эффекты «обмана зрения», движущиеся конструкции с меняющимся освещением; был стилем абстракции, который опирался на геометрические формы, линии и цветовые сопоставления для создания оптических иллюзий для зрителя (ru.wiktionary.org).

Конечно, вопрос о статусе аббревиатуры в препозиции к корню в сложном слове является дискуссионным и может обсуждаться, впрочем, до сих пор нет единого мнения и относительно «классических» префиксOIDов, однако сам факт регулярного использования такого рода формантов с ослабленным лексическим значением и яркой словообразующей функцией заслуживает внимания.

Выводы. Таким образом, активное использование префиксOIDов в современном русском языке позволяет не только обозначать новые понятия, но и выражать рациональную и/или эмоционально-экспрессивную оценку предмета речи, особенно в ироническом ключе, что свойственно современной медиакоммуникации.

Судьба префиксOIDов (как русских, так и иноязычных) определяется разными факторами: а) их изначальной семантической емкостью и соответственно возможностью широкой сочетаемости с разными типами производящих основ; б) характером отношений с другими префиксOIDами в системе (синонимией, антонимией, отсутствием стилистической маркированности, конкуренцией с близкими по значению формантами); в) социолингвистической составляющей (модой, «языковым вкусом эпохи», по В. Г. Костомарову), г) степенью зависимости от контекста в процессах восприятия производного слова и др.

Литература

Гаспаров, Б. М., & Купина, Н. А. (ред.). (2014). *Русский язык в многоречном социокультурном пространстве*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Гридина, Т. А. (2014). Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности. *Филологический класс*, 2(36), 30–35.

Гридина, Т. А., & Коновалова, Н. И. (2025). Ассоциативный потенциал префиксOIDА: *квази-, псевдо-, лже-* в современном медиадискурсе. *Политическая лингвистика*, 2(110), 32–39.

Козловская, Н. В., & Павлова, А. С. (2024). Слова одного месяца в зеркале оперативной неографии. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(11), 8–20. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-8-20](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-8-20)

Коновалова, Н. И., Михайлова, О. А., & Михайлова, Ю. Н. (2025). Словообразовательный потенциал политического дискурса. *Политическая лингвистика*, 1(109), 75–83.

Михайлова, Ю. Н. (2022). О чем говорят номинации-геймеронимы? *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 20, 214–224.

Николина, Н. А., & Петрова, З. Ю. (2025). Лексикализация аффиксов в современной русской художественной прозе. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2(44), 124–132. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2025.2.11>

Николина, Н. А., Рацебурская, Л. В., & Фатхутдинова, В. Г. (2020). Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словаобразовательной системы русского языка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 19(2), 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1>

Панов, М. В. (2004). Об аналитических прилагательных. *Панов М. В. Труды по общему языкоznанию и русскому языку: в 2 т. Т. 1* (с. 137–150). Москва: Языки славянской культуры.

Попова, Т. В. (2013). Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. *Лингвистика креатива* (с. 147–176). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.

Рацебурская, Л. В. (2024). Прецедентность заголовков «Российской газеты» как проявление языковой игры. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*, 22, 86–92.

Рацебурская, Л. В. (2025). Экспрессивно-оценочные аффиксы в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова и в современных деривационных процессах. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2, 153–160. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2025.2.14>

Ридецкая, Ю. С. (2023). Особенности описания префиксOIDов в неологической академической лексикографии. *Вопросы лексикографии*, 29, 28–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/29/2>

References

Gasparov, B. M., & Kupina, N. A. (Eds.). (2014). *Russian language in a multilingual socio-cultural space*. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ. (In Russian).

Gridina, T. A. (2014). Experimental resource of diagnostics and training of verbal creativity. *Philological Class*, 2(36), 30–35. (In Russian).

Gridina, T. A., & Konovalova, N. I. (2025). The association potential of the prefixoids *kvazi-, psevdo-, Izhe-* in modern media discourse. *Political Linguistics*, 2(110), 32–39. (In Russian).

Konovalova, N. I., Mikhaylova, O. A., & Mikhaylova, Yu. N. (2025). The word-forming potential of political discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 75–83. (In Russian).

Kozlovskaya, N. V., & Pavlova, A. S. (2024). One-month words mirrored by operational neography. *Verba. North-West linguistic journal*, 1(11), 8–20. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-8-20](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-8-20) (In Russian).

Mikhaylova, Yu. N. (2022). What do the nominations-gameronyms say? *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 20, 214–224. (In Russian).

Nikolina, N. A., & Petrova, Z. Yu. (2025). Lexicalization of affixes in modern Russian prose. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2(44), 124–132. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2025.2.11> (In Russian).

Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V., & Fatkhutdinova, V. G. (2020). New phenomena in the sphere of derivation formants as reflection of the dynamics of the Russian language word-formation system. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 5–19. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.1> (In Russian).

Panov, M. V. (2004). On analytical adjectives. *Panov M. V. Works on general linguistics and the Russian language: in 2 vols. Vol. 1* (pp. 137–150). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. (In Russian).

Popova, T. V. (2013). Creolized derivatives as an element of Russian written communication at the turn of the 20th–21st centuries. *Linguistics of creativity* (pp. 147–176). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2024). The precedent nature of the “Rossiyskaya gazeta” headlines as a manifestation of the language game. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 22, 86–92. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2025). Expressive-evaluative affixes in the “Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language” by V. V. Lopatin and I. S. Ulukhanov and in modern derivational processes. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, 153–160. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2025.2.14> (In Russian).

Ridetskaya, Yu. S. (2023). The specificity of the description of prefixoids in neological academic lexicography. *Russian Journal of Lexicography*, 29, 28–51. <https://doi.org/10.17223/22274200/29/2> (In Russian).

Сахарный, Л. В. (1985). *Психолингвистические аспекты теории словообразования*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.

Шмелева, Т. В. (1993). Ключевые слова текущего момента. *Colleqium*, 1, 33–41.

Шмелева, Т. В. (2009). Кризис как ключевое слово текущего момента. *Политическая лингвистика*, 2(28), 63–67.

Словари

Козулина, Н. А., Левашов, Е. А., & Шагалова, Е. Н. (2009). *Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Скляревская, Г. Н. (ред.). (2001). *Толковый словарь современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия*. Москва: Астрель, АСТ.

Скляревская, Г. Н. (ред.). (2007). *Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика: около 8 500 слов и устойчивых словосочетаний*. Москва: Эксмо.

Шведова, Н. Ю. (ред.). (2007). *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Азбуковник.

Sakharny, L. V. (1985). *Psycholinguistic aspects of the theory of word formation*. Leningrad: LSU Publ. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (1993). Keywords of the current moment. *Colleqium*, 1, 33–41. (In Russian).

Shmeleva, T. V. (2009). *Krizis (crisis) as the keyword of the present moment*. *Political Linguistics*, 2(28), 63–67. (In Russian).

Dictionaries

Kozulina, N. A., Levashov, E. A., & Shagalova, E. N. (2009). *Affixoids of the Russian language. Experience of a dictionary-reference book*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian).

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2001). *Explanatory dictionary of the modern Russian language: Language changes of the late 20th century*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language of the early 21st century: current lexicon*. Moscow: Astrel Publ., AST Publ. (In Russian).

Источники

Национальный корпус русского языка.
URL: <https://ruscorpora.ru/>

Новое в русской лексике: словарные материалы.
URL: <https://neolex.ilin.spb.ru/>

Sources

New in Russian vocabulary. Dictionary materials.
URL: <https://neolex.ilin.spb.ru/> (In Russian).

National corpus of the Russian language.
URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russian).

Для цитирования:

Коновалова, Н. И. (2025). Префикссоиды как средство выражения оценочности. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 46–57. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-46-57](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57)

For citation:

Konovalova, N. I. (2025). Prefixoids as evaluation means. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 46–57. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-46-57](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-46-57) (In Russian).

Аналитические наречия

T. V. Шмелева

Analytical adverbs

T. V. Shmeleva

Татьяна Викторовна Шмелева – доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

E-mail: szmiel@mail.ru

Статья поступила: 01.06.2025. Принята к печати: 25.06.2025.

С позиций неологии рассматриваются наречные конструкции, ставшие популярными в последние годы в медиатекстах разного типа – *на постоянной основе*, *в массовом порядке*, *в режиме онлайн*. Анализ таких наречий проводится в контексте проблемы аналитизма в русском языке с учетом семантических и стилистических потребностей медиаречи, при этом подчеркивается, что аналитизм не сводится к неизменяемости слов, важная его черта – раздельное обозначение грамматических и лексических элементов значения. Обращается внимание на частотность конкретных реализаций изучаемых моделей наречия, характер их аналитизма, семантику и парадигматические связи с синонимическими средствами (ср.: *на постоянной основе* / *постоянно* / *на постоянке*). Анализ наречий основан на наблюдениях над текстами медиасфера с учетом данных корпусов – Национального корпуса русского языка и интернет-ресурса «Новое в русской лексике», что позволяет определить и историю, и современное использование рассматриваемых наречий. Наряду с этим учитываются факты языковой рефлексии носителей русского языка, во всяком случае так, как она проявляется в обсуждениях в соцсетях. В результате предлагаются три очерка о наречных конструкциях с субстантивами *основа*, *порядок*, *режим*. Конструктивно разнообразными оказываются наречия с субстантивом *порядок*: они допускают присоединение к нему прилагательных, существительных в форме родительного падежа. Самым продуктивным оказывается последняя модель, характерная для технических, научных, в том числе медицинских текстов. Делаются выводы о месте рассмотренных наречий в обновлении медийного лексикона и его стилистической дифференциации.

Ключевые слова: русский язык, неология, медиалингвистика, грамматика, аналитизм, наречие, адвербиальная конструкция

УДК 811.161.1:81'373.43

Tatiana V. Shmeleva – Dr. Sci. in Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-3360-0518

Received: 01.06.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

From the standpoint of neology, adverbial constructions that have become popular in recent years in various types of media texts – such as *na postoyannoy osnove* (on a permanent basis), *v massovom poryadke* (en masse), *v rezhime onlayn* (online) – are examined. The analysis of these adverbs is conducted within the framework of analyticism in the Russian language, considering the semantic and stylistic demands of media discourse. It is emphasized that analyticism extends beyond the immutability of words, with a key feature being the distinct expression of grammatical and lexical components of meaning. Attention is given to the frequency of specific occurrences of the examined adverbial models, their analytic structure, semantics, and their paradigmatic relationships with synonymous expressions (cf. *na perevostnoy osnove* / *postoyanno* / *на постоянке*). The analysis draws on observations of media texts and incorporates data from corpora such as the *National Corpus of the Russian Language* and the Internet resource *New in Russian Vocabulary*, enabling the tracing of both the historical development and contemporary usage of these adverbs. Additionally, instances of linguistic reflection by Russian speakers are considered, particularly as evidenced in discussions on social networks. Consequently, three essays on adverbial constructions formed with the substantives *osnova*, *poryadok*, and *rezhim* are presented. Adverbs containing the substantive *poryadok* exhibit structural diversity, permitting the addition of adjectives and nouns in the genitive case; the latter construction is the most productive and characteristic of technical, scientific, and medical texts. The study concludes with reflections on the role of these adverbs in the renewal of the media lexicon and its stylistic differentiation.

Keywords: Russian language, neology, media linguistics, grammar, analyticism, adverb, adverbial construction

OECD: 6.02OY

V

Постановка проблемы. Наблюдения над разными медиатекстами выявили «новые наречия» – составные наименования типа *на постоянной основе, в круглосуточном режиме* и под. Нетрудно заметить, что они допускают замену классическим наречием *постоянно, круглосуточно*, что и позволяет воспринимать их как слова этой части речи. Другое дело, что такие замены сопровождаются стилистическими последствиями, которые стоит обсудить особо. «Новые наречия» – факт, замеченный носителями и получающий разные интерпретации, как будет показано далее. Это требует поставить проблему их лингвистического рассмотрения в грамматическом и стилистическом аспектах, а также в аспекте неологическом, отвечая на вопрос, насколько новыми они оказываются в русском языке и каково их место в современной речи. При этом обозначение их в названии настоящей статьи как **аналитические наречия** помещает обсуждаемую проблему в контекст дискуссий о тенденции к аналитизму в русском языке, с обращением к сторонам этого феномена, которые придают подходу к нему необходимую полноту.

История вопроса. Проблема аналитизма в русском языке обсуждается в русистике с 1960-х годов до настоящего времени, о чем говорят статьи, диссертации, коллективные монографии; так, в библиотеке РИНЦ – 375 публикаций, правда, не только о русском языке, но об интересе лингвистов к проблеме перечень публикаций говорит красноречиво.

Существо проблемы сформулировано в энциклопедической статье, где утверждается, что аналитизм – «свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексич.) и дополнительного (грамматич., словообразоват.) значений слова. А. проявляется в морфологич. неизменяемости слова и наличии аналитич. (сложных) конструкций (форм)» [Гак, 1990].

Интересно, что в центре внимания лингвистов, участвующих в дискуссиях об аналитизме в русском языке, оказывается главным образом неизменяемость слов. При этом рассматриваются прилагательные [Панов, 2004], глаголы [Клобуков, 2001], существительные [Костомаров, 2016; Радбиль, 2020], в том числе, городские топонимы [Костомаров, 2016; Федосюк, 2022], предикативы [Лекант, 2011], числительные [Костомаров, 2016]. В целом можно сказать, что в аспекте аналитизма проанализированы почти все грамматические типы русских слов, накоплен опыт объяснения грамматических изменений и их причин [Костомаров, 2016; Радбиль, 2020; Федосюк, 2022].

Другая сторона аналитизма – раздельность номинации, противопоставляющая ее лексическую и грамматическую составляющие, – обсуждается в теоретических работах [Астен, 2017] и в описании конкретных семантических групп слов, например, прилагательных с семантикой цвета [Маринова, 2019]. Эта сторона проблемы менее популярна у лингвистов, хотя для самого языкового феномена аналитизма – это весьма существенный момент, часто именно наличие грамматического показателя обеспечивает неизменность лексического компонента: см. *костюм цвета хаки, будет изучать*.

Что касается наречий в аспекте аналитизма, то, насколько удалось выяснить, они не обсуждались. В других аспектах наречие привлекает внимание лингвистов,

прежде всего их семантика, немногочисленность [Евтюхин, 2013], активность отдельных адвербиальных типов в медиаречи [Шмелева, 2020] и даже отдельных наречий [Пивоварчик, 2021].

Методология и методика исследования. Настоящая работа в понимании аналитизма методологически опирается на положение о равнозначности двух моментов этого феномена – номинативной раздельности и неизменяемости; первый противопоставляет аналитизм синтетичности, второй – флексивности [Гак, 1990].

Обращая внимание на раздельность номинации и избирая для объекта исследования наименование **аналитические наречия**, нельзя не отдавать себе отчета в том, что такое обозначение таит в себе противоречие: наречие – неизменяемая часть речи, а значит, аналитическая по определению. Но здесь важна оговорка об аналитичности в другом смысле – номинативном, в котором большинство наречий как раз синтетичны – глубоко, быстро, нараспашку, дважды, днем... Аналитические наречия рассматриваемого типа – *на постоянной основе* – как будто возвращают наречию флексивность, но очевидно, что это иллюзия: в роли наречия выступает не слово, а конструкция, которой флексивность как изменчивость не свойственна, и наличие флексий субстантива *основE* и адъектива *постояннOЙ* ситуации не меняют: конструкция предполагает только одну из форм имени.

Таким образом, термин *аналитический* в настоящей работе используется не так, как в знаменитой статье М. В. Панова о прилагательных и работах его последователей, а так, как принято в синтаксисе говорить об особом типе предикатов, см. например [Стексова, 2021].

Изучение таких наречий-конструкций, или эквивалентов слова [Рогожникова, 1983], предполагает выявление их состава, семантики и круга слов, которые в их составе выступают как грамматические элементы, пережив грамматикализацию [Лопатин, 2020].

Для рассмотрения аналитических наречий важно понимать, что такой способ номинации – в несколько шагов, ср. *помогать и оказывать помощь, заботиться и осуществлять заботу* – стилистически маркирован как средство официально-делового стиля [Голуб, 2007, с. 433].

Материал для настоящей работы отмечен в медиатекстах разной фактуры – видеороликах с произносимыми комментариями событий политической жизни; графических интернет-текстах различного содержания; для изучения их грамматических и стилистических свойств привлекались данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и интернет-ресурса «Новое в русской лексике» (neolex.iiling.spb.ru).

Анализ материала. Итак, речь идет о небольшой группе аналитических наречий, которые можно перечислить по их субстантивным элементам:

на постоянной основе, на регулярной основе;

в приоритетном порядке;

в круглосуточном режиме, в ежедневном режиме, в еженедельном режиме;
в режиме ротации;

Вот примеры их использования: *Подобную атмосферу вряд ли удастся организовать на еженедельной основе* (dzen.ru, 13.05.2023); *Такие комментарии*

я читаю **в приоритетном порядке** ([dzen.ru](#), 08.10.2023); *Если бы он это делал в каждодневном режиме* ([dzen.ru](#), 22.12.2023); в рассказе из частной жизни на Телеграм-канале «Женская психология»: *А в моем багажнике теперь на регулярной основе то переноски с кошками, то собаки* (05.05.2025).

Предваряя лингвистический анализ материала суждениями носителей, важно подчеркнуть, что рассматриваемые конструкции стали объектом их языковой рефлексии, что убеждает в реальности обсуждаемой проблемы.

Так, в сети ВКонтакте (группа «Филологическая дева») 14.06.2022 появляется пост, приглашающий к дискуссии: *Коллеги, как вы относитесь к выражению «на постоянной основе» или, еще хуже, «на регулярной основе»?* Я всегда считала, что это калька с английского «*on a regular basis*», разве нет? Я никогда не использую эти выражения, всегда говорю и пишу «постоянно», «часто», «регулярно» – использую старые добрые наречия. Спрашиваю, потому что нигде не могу найти об этом информацию¹.

Среди тех, кто откликнулся на этот пост, как водится, обнаружились разные позиции.

Прежде всего отметим **принимающую**: *Абсолютно спокойно – ИМХО это выражение давно прижилось в русском языке (если его не существовало в нем раньше).*

Противоречит ей **отвергающая**: *Прижилось, да, уже привычно и корчей не вызывает. Но действительно не по-русски; раздражает намеренное усложнение языка, когда можно сказать проще.*

Обозначилась и третья позиция, которую можно назвать **стилистической**: *В деловой переписке (например, когда речь идет о регулярном сотрудничестве: «задачи будут выдаваться на регулярной основе») такое выражение вполне допустимо, как мне кажется; Во всяких договорах – нормально, повседневной речи – нет; По мне – официоз как он есть; Возможно встречи бабушки с внуками на регулярной основе звучат странно. А вот если речь идет о деловых отношениях там и на регулярной основе и на платной основе и взаимовыгодной основе; Если родители в разводе, а встречи регулируются Постановлением суда, то вполне нормально и с бабушкой канцеляризм; «Они постоянно гуляют с его собакой» – бытовое наблюдение, да еще и немного осуждающе звучит (дескать, сколько можно, все гуляют и гуляют). «Они гуляют с его собакой на постоянной основе» – видимо, заранее договорились на большой срок (возможно, даже с оплатой); Есть же очевидные различия в употреблении: «Анатолий работает в ООО АБВ на постоянной основе»: АБВ – основное место работы Анатолия; в данный момент он, может, и не занят работой, но точно будет вскорости. «Борис постоянно на работе в ГУП ЕЖЗ»: бедный Борис.*

Приведенные высказывания демонстрируют различное отношение к аналитическим наречиям, точнее, конкретным конструкциям, с опорой на языковой вкус и стилистические предпочтения. Какие собственно языковые факторы стоят за этим восприятием?

Для начала следует сказать, что аналитизм такого рода свойствен наречиям, в чем можно убедиться, вспомнив местоименные наречия *каким образом* и *таким*

¹ URL: https://vk.com/wall-28854940_627988

образом, которые успешно конкурируют с синтетическими местоимениями *как и так*. Симптоматично, что такие наречия как семантическая группа называются «наречиями образа действия» [Плотникова, 1980, с. 704].

Как позволяет установить НКРЯ, в коллокации с формой *образом* входят 12 прилагательных, половина которых формирует служебные слова типа *главным образом*, *никоим образом*, *следующим образом* и т. п.; а половина – наречия оценочной семантики: *Увидев сие, незнамый ему народ весьма много обрадовался и старался уснужить ему всеми силами; всякий просил его к себе в дом и обещался угостить его самым лучшим образом* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки, 1766–1768); *Умный посланник, несмотря на двадцатилетний возраст свой, исполнил самым лучшим образом важное поручение* (А. О. Ишимова. История России в рассказах для детей, 1837–1840); *Одежда, палатки, сани, даже кнуты были подготовлены самым лучшим, самым тщательным образом* (В. Песков. Белые сны, 1964); *Сделали одну операцию, получилось не лучшим образом – образовался ложный сустав* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого, 2000²); *В глубине души эти женщины очень ранены и к себе относятся не лучшим образом* (А. Орехова. Психология, 2022).

Небольшая, но хронологически выразительная выборка примеров – от XVIII века до наших дней (в Корпусе таких примеров многие сотни) – убеждает в том, что аналитические наречия такого типа – продуктивная модель; наряду с приведенным прилагательным Корпус включает адъективы *особый, удивительный, чудесный...* И это не закрытый список, как показывает хотя бы пример из В. Пескова.

Итак, небольшой исторический экскурс с помощью НКРЯ убеждает в том, что номинативная аналитичность не чужда природе наречия. Популярные в медиа современные наречия такого типа отличаются составом субстантивов, что требует их особого рассмотрения.

Основа

Субстантив основа относят к полнозначной лексике, в словарях, например, [Кузнецов, 2001; Шведова, 2008] дается пять его значений, а также серия предложно-падежных конструкций – *на основе, класть в основу, лежать в основе*, среди которых нет интересующих нас наречий.

Первое из этих наречий – *на постоянной основе* – по данным НКРЯ, фиксируется с 1837 г., но в незначительных количествах, а «взлет» его частотности начинается с 2017 г., что подтверждает впечатления носителей о его активизации в последние годы: *Изменения будут временными, но если подтвердят свою эффективность, то их утвердят на постоянной основе* (Информационный портал «68ньюс.ру», Тамбов, 09.06.2023); *В Курске и районах области на постоянной основе проводятся праздники для многодетных семей* (Лента новостей Курска, 02.06.2023); *На Ростовской АЭС на постоянной основе идет техническое перевооружение и модернизация энергоблоков* (Кто главный. Ростов, 13.02.2023). Примеры взяты из подкорпуса «Региональные СМИ», где самые «свежие» тексты; всего, кстати, 733 примера.

² Настоящий материал (информацию) произвел иностранный агент Улицкая Людмила Евгеньевна, либо материал (информация) касается деятельности данного иностранного агента.

Второе аналитическое наречие *на регулярной основе*, по данным НКРЯ, фиксируется с 1985 года, и нарастание популярности его начинается с 2013 года: *Степень искренности определяла представительная идеологическая комиссия, которая напряженно работала на регулярной основе* (В. Быков. Лесное счастье, 1985–1995); Комитетом была создана система мониторинга антитеррористической деятельности государств, основанная на изучении и оценке предоставляемых *на регулярной основе* докладов, что позволило выявлять недостатки и пробелы, и вырабатывать соответствующие рекомендации (Дипломатический вестник, 2004); По его словам, мелкое взяточничество «все чаще стало приобретать характер криминального бизнеса, когда такие незаконные действия совершаются *на регулярной основе* и в организованных формах, а средства уголовно-правового воздействия, применяемые в подобных случаях, недостаточны» (Парламентская газета, 09.12.2021); Сотрудники Курской ОМКБ *на регулярной основе* проводят выездные приемы (Лента новостей Курска, 06.03.2023).

Анализ приведенных примеров (и сотен других в НКРЯ) показывает, что оба аналитических наречия используются преимущественно в официально-деловых текстах. Получается, что каждое из них образует стилистическую парадигму, включающую нейтральные формы *постоянно, нейтрально* и официально-деловые конструкции со словом *основа*, чем и объясняется необходимость их активизации. Симптоматично, что первая парадигма включает и сленговое наречие *на постоянке*, что расширяет ее стилистические возможности.

Порядок

Официально-деловой речи принадлежат и наречия с субстантивом *порядок*, описанные, например, в словаре [Рогожникова, 1983]: *в порядке возрастания, в порядке очередности, в порядке исключения; в порядке шефской помощи, в порядке творческой поездки*. Толковые словари позволяют пополнить этот перечень: *в алфавитном порядке, в шахматном порядке, в хронологическом порядке, в приказном порядке, в порядке помощи, в порядке наказания, в порядке профилактики* [Евгеньева, 1983]; *в обязательном порядке* [Кузнецов, 2001]; *в порядке самокритики, в рабочем порядке* [Шведова, 2008]. Стоит отметить, что с этим субстантивом формируются и конструкции, не отмечаемые в словарях, близкие по смыслу к местоимениям и служащие строевыми элементами текста – *в таком порядке, в определенном порядке, в следующем порядке*.

Хотя часть таких наречий воспринимаются как бюрократические клише, например, *в приказном порядке, в порядке исключения*, они активно используются в современной речи, в том числе медийной, о чем свидетельствуют примеры из электронного ресурса «Новое в русской лексике»: *В порядке исключения в пенитенциарных учреждениях открыто 11 спецучастков, а с учетом эпидемии коронавируса, для граждан, находящихся в карантинных пространствах, самоизоляции и стационаре, которые внесены в т. н. спецсписки, открыты 127 ковид-участков (ru.saqinform.ge, 31.10.2020); Сейчас в Украине в официальном порядке доказано наличие лишь 1-го коронавирус-мутанта – английского штамма вируса COVID-19 (rusrepublic.com, 13.03.2021); Действующий президент США Дональд*

Трамп обсуждает со своими советниками возможность объявить о помиловании себя самого **в превентивном порядке** до ухода с должности (Ведомости, 08.01.2021); Слава Богу, не вхожу ни в одну из категорий, которым Управление Роспотребнадзора в республике предписывает прививаться **в обязательном порядке** (КомиОнлайн, 12.08.2021); ... скоро у нас в стране появятся новые миллиардеры, которые сделают свои состояния на вакцинации от ковида, на масочно-цифровом режиме, на переформатировании всей медицины в цифровую, когда врачей **в массовом порядке** заменит компьютер, который будет ставить диагноз и назначать лечение (cont.ws, 26.01.2021); Данная процедура ухода за лицом заключается в наслоении специально подобранных увлажняющих продуктов **в определенном порядке** (Красота & здоровье, 16.02.2023); Конгрессвумен-демократка Ильхан Омар **в частном порядке** обсуждала вопрос об импичменте главы Пентагона Петера Хегсета, советника Белого дома по нацбезопасности Майка Уолтца и директора ЦРУ Джона Рэтклиффа из-за скандала с утечкой в мессенджере Signal (РИА Новости. Все Новости, 27.03.2025).

По данным НКРЯ, словоформа **в порядке** зафиксирована более чем в 45 000 высказываний, в этом массиве, естественно, есть выражения типа *он в порядке, у него все в порядке*, идиома *в порядке вещей*, но и интересующих нас наречных форм – тысячи: **В порядке оффтопа**: LXG – офигенное кино (Форум: Блэйд (трилогия) Blade, 2008–2010); **В исключительных случаях** (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий) все граждане РСФСР... могут привлекаться к труду **в порядке трудовой повинности** (Отечественные записки, 2003); **В новом учебном году в третьих классах началось изучение французского – в порядке эксперимента** (Наука в Сибири, 07.03.2001); **Разочарованный сельчанин** не очень уверенно предложил *тетке сдать оружие и ценности в порядке добровольной выдачи*, получил отказ и уставился на комодик, где, судя по горящим глазам его, прячутся *ювелирные изделия* (А. Азольский. Облдрамтеатр // Новый мир, 1997).

Таким образом, факт активизации наречных конструкций с субстантивом **порядок** подтверждается наблюдениями над медиаречью и данными корпусов. Их формальные характеристики – наличие позиции для прилагательного или генитивной формы субстантива – ставят его в ряд подобных форм, как в рассмотренных уже с субстантивом **основа**. При этом нельзя не отметить при сравнении с первым наречием более широкий репертуар прилагательных, а значит, и более широкие смысловые возможности.

Режим

Субстантив **режим**, заимствованный русским языком (наряду с западно-европейскими) в конце XIX века, как указывается в словаре [Черных, 1993, 107], в современных словарях толкуется как многозначное слово. Его значения связаны со сферами политики – ‘власть, государственный строй’ и техники – ‘порядок действий’ и ‘условия деятельности’ (см. напр., [Шведова, 2008]). Понятно, что именно «технические» значения располагают к использованию в конструкциях с семантикой характеристики: *работать в режиме – каком / чего*.

Интересующие нас конструкции, как позволяет судить Основной корпус НКРЯ, начинают фиксироваться в 1960-е гг., прежде всего в текстах технического содержания, напр., *Современные электронные машины обладают столь высоким быстродействием, что могут управлять большими группами оборудования в режиме разделения времени – поочередно посылая команды к каждому из станков* (Техника – молодежи, 1974); *После 1–2 мин работы машины в режиме «стирка» переключить машину в режим «отжим»* (Инструкция к стиральной машине, 1976).

Неуклонный рост их частотности начинается в самом конце прошлого века, и они появляются в текстах СМИ: *Когда видишь посиневших от холода, бледных от усталости корреспондентов и ведущих, работающих в режиме «нон-стоп», вспоминаешь лишь одну фразу: «Не стреляйте в пианиста – он играет как умеет»* (Известия, 25.10.2002). Еще одним полезным дополнением станет возможность осуществлять депозитарные переводы, что позволит клиентам не только торговать ценностями бумагами, но и давать *в режиме реального времени* поручения на их перевод из одного депозитария в другой (Известия, 29.04.2002); Чиновный люд замер *в режиме ожидания, томительно гадая о дорожной карте* (Москва, 2019).

Отмечена активизация слова *режим* в эпоху коронавируса, что объясняет его включение в словарь [Приемышева, 2021, с. 223–225]. Интересно, что из нескольких десятков иллюстраций в словарной статье об этом слове наречие можем видеть в одном: *карантин проходит в самоизоляционном режиме* [Там же, с. 225]. Находим такие примеры и в неологическом корпусе: Филологи, писатели и журналисты, объединившиеся в сетевом сообществе «Словарь перемен», *в режиме нон-стоп* фиксируют неологизмы (Известия, 04.03.2022); Технология умного склада сейчас очень актуальны для «Почты России», мы *тестируем складомат*, который позволяет *в автоматическом режиме* отправлять посылки с измерением необходимых параметров, а также получать отправления с помощью мобильного устройства (RETAIL&LOYALTY NEWS, 28.03.2022).

Что касается формальной стороны рассматриваемых наречий, то, как показывают приведенные примеры, они представлены тремя вариантами, различающимися формой семантически главного компонента – это согласующееся прилагательное, субстантив в форме родительного падежа единственного числа или неизменяемое слово типа *нон-стоп*, *онлайн*. Интересно отметить и расширенные варианты – четырехкомпонентные конструкции типа *в режиме реального времени*, Трансформация их в классические наречия возможна только для адъективных вариантов: ср. *в еженедельном режиме / еженедельно, в режиме онлайн / ?*.

Результаты анализа. Итак, рассмотрено три типа конструкций, позволяющих формировать адвербальные формы, которые активизировались в языке современной медиасфера, что можно объяснить потребностями языка медиа в характеристических ресурсах.

Если первая конструкция с субстантивом основа формирует наречия временной семантики, то две других включают позиции, открытые для новой лексики, что обеспечивает их практически неограниченные возможности. Характеристическая семантика отличается от оценочной, потребность выражать которую стимулирует активизацию от причастных наречий, как показано в [Шмелева, 2020].

Стилистические потребности, реализуемые рассматриваемыми наречиями, лежат в пространстве официальной, научной и специальной речи.

Выводы. Приведенные факты и их грамматическая интерпретация приводят к выводу о том, что среди механизмов, обеспечивающих обновление языка, стоит не забывать об аналитических. Не преувеличивая их масштаба и значимости, надо сказать, что это реально действующий механизм, отвечающий потребностям лексикона, как показала эпоха коронавируса, и стилистики медиа.

Помимо рассмотренных здесь наречий, аналитические способы работают и в производстве прилагательных – *вопрос деликатного свойства, мероприятия развлекательного характера, платье розового цвета*. Последний тип подробно рассмотрен в упомянутой уже статье [Маринова, 2019], где показано разнообразие и продуктивность этого типа неологизмов, что существенно для понимания разных путей обновления лексикона и их соотношения.

Наконец, рассмотренные факты демонстрируют явления, которые можно назвать служебнанизацией полнозначных слов: субстантивы довольно обобщенной семантики – *основа, порядок, режим* – становятся грамматической основой адвербальных конструкций, превращаясь в строевые элементы, обеспечивающие присоединение характеризующей лексики. Многократное использование таких наречий закрепляет за изученными субстантивами строевую функцию, что заставляет воспринимать это явление как пополнение служебной лексики.

Литература

- Астен, Т. Б. (2017). Феномен аналитизма в системе языка. *Успехи современной науки и образования*, 3(4), 48–50.
- Гак, В. Г. (1990). Аналитизм. *Лингвистический энциклопедический словарь* (с. 31). Москва: Советская энциклопедия.
- Голуб, И. Б. (2007). *Новый справочник по русскому языку и практической стилистике*. Москва: Эксмо.
- Евтиохин, В. Б. (2013). О причинах немногочисленности наречий. *Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис: материалы Всероссийской научной конференции (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко)*, Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2013 г. (с. 325–329). Санкт-Петербург: Сага.
- Костомаров, В. Г. (2016). Неужели вперед к аналитизму? *Знак: поиски, факты, гипотезы: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой* (с. 36–48). Москва: ЛЕКСРУС.
- Лекант, П. А. (2011). Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 2, 20–27.
- Лопатин, В. В. (2020). Грамматикализация. *Русский язык: энциклопедия* (с. 118). Москва: Словари XXI в., АСТ-Пресс Школа.
- Маринова, Е. В. (2019). «Небо цвета сталь»: составные наименования цвета в grammaticalическом аспекте. *Социальные трансформации*, 30, 123–134.
- Панов, М. В. (2004). Об аналитических прилагательных. *Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. Т. 1* (с. 137–150). Москва: Языки славянской культуры.
- Пивоварчик, Т. А. (2021). Дискурсивно-прагматическая значимость местоименного наречия *зачем-то* в медиатексте (на материале русскоязычных белорусских СМИ). *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3: Филология. Педагогика. Психология*, 11(3), 45–53.
- Плотникова, В. А. (1980). Наречие. *Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология* (с. 701–703). Москва: Наука.
- Радбиль, Т. Б. (2020). Аналитизм vs синтетизм в активных процессах в грамматике современного русского языка. *Мир русского слова*, 1, 5–10.
- Стексова, Т. И. (2021). Аналитические модусные предикаты изъяснительной конструкции. *Приращение смысла: сборник научных статей к юбилею Татьяны Викторовны Шмелевой* (с. 25–33). Москва: Русайнс.
- Федосюк, М. Ю. (2022). О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней. *Вестник Московского университета. Серия. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4, 9–19. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-9-19>
- Шмелева, Т. В. (2020). Грамматика медиа как реализация потенций языковой системы. *Медиалингвистика славянских стран* (с. 15–39). Москва: ФЛИНТА.

References

- Asten, T. B. (2017). Phenomenon of analyticism in the system of language. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniia*, 3(4), 48–50. (In Russian).
- Evtyukhin, V. B. (2013). On the reasons for the scarcity of adverbs. *Word. Dictionary. Literature: Communication. Text. Syntax: Proceedings of the All-Russian scientific conference (dedicated to the 90th anniversary of S. G. Ilyenko)*, St. Petersburg, November 13–15, 2013 (pp. 325–329). St. Petersburg: Saga Publ. (In Russian).
- Fedosyuk, M. Yu. (2022). On the reasons for the growth of analyticism and productivity of non-idiomatic nominations in the Russian language of our days. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 9–19. <https://doi.org/10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-9-19> (In Russian).
- Gak, V. G. (1990). Analyticism. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (p. 31). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russian).
- Golub, I. B. (2007). *New handbook of the Russian language and practical stylistics*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russian).
- Kostomarов, V. G. (2016). Is it really towards analyticism? *Znak: Search, Facts, Hypotheses: collection of articles dedicated to the 100th anniversary of academician N. Yu. Shvedova* (pp. 36–48). Moscow: LEKSRUS Publ. (In Russian).
- Lekant, P. A. (2011). The analytical part of speech “predicate noun” in the modern Russian language. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 1, 20–27. (In Russian).
- Lopatin, V. V. (2020). Grammaticalization. *Russian language: Encyclopedia* (p. 118) Moscow: Slovari XXI v. Publ., AST-Press School Publ. (In Russian).
- Marinova, E. V. (2019). «Nebo tsveta stal'»: compound nominations of colour in grammatical aspect. *Sotsial'nyye transformatsii*, 30, 123–134. (In Russian).
- Panov, M. V. (2004). On analytical adjectives. *Panov M. V. Works on general linguistics and the Russian language: in 2 vols. Vol. 1* (pp. 137–150). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ. (In Russian).
- Pivovarchik, T. A. (2021). Discursive-pragmatic importance of pronominal adverb *zachem-to* in media text (on the material of Russian-speaking Belarusian media). *Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3: Philology. Pedagogy. Psychology*, 1(3), 45–53. (In Russian).
- Plotnikova, V. A. (1980). Adverb. *Russian Grammar: in 2 vols. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology* (pp. 701–703). Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
- Radbil, T. B. (2020.) Analyticism vs. synthesis in active processes in modern Russian grammar. *World of the Russian Word*, 1, 5–10. (In Russian).
- Shmeleva, T. V. (2020). Media grammar as the realization of language system potentials. *Media Linguistics of Slavic Countries* (pp. 15–39). Moscow: FLINTA Publ. (In Russian).

Источники

- Евгеньева, А. П. (ред.). (1981–1984). *Словарь русского языка: в 4 т.* Москва: Русский язык.
- Кузнецов, С. А. (2001). *Современный толковый словарь русского языка: более 90000 слов и фразеологических выражений*. Санкт-Петербург: Норинт
- Национальный корпус русского языка.
URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Новое в русской лексике: словарные материалы.
URL: <https://neolex.iiling.spb.ru/>
- Приемышева, М. Н. (ред.). (2021). *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- Рогожникова, Р. П. (1983). *Словарь сочетаний, эквивалентных слову: наречные, служебные, модальные единства*. Москва: Русский язык.
- Словарь русского арго. *Словари и энциклопедии на Академии*. URL: https://russian_argo.academic.ru/
- Черных, П. Я. (1993). *Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 500 слов: в 2 т. Т. 2: Панцирь–яцур*. Москва: Русский язык
- Шведова, Н. Ю. (ред.). (2007). *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Азбуковник.

Sources

- Chernykh, P. Ya. (1993). *Historical-etymological dictionary of modern Russian language: 13,500 words: In 2 vols. Vol. 2: Pantsir–Yashchur*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ. (In Russian).
- Dictionary of Russian Argot*. Dictionaries and Encyclopedias at the Academy. URL: https://russian_argo.academic.ru/ (In Russian).
- Kuznetsov, S. A. (2001). *Modern explanatory dictionary of the Russian language: more than 90,000 words and phraseological units*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian).
- National corpus of the Russian Language.
URL: <https://ruscorpora.ru/> (In Russian).
- New in Russian vocabulary. Dictionary materials.
URL: <https://neolex.iiling.spb.ru/> (In Russian).
- Priemyshyeva, M. N. (Ed.). (2021). *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Rogozhnikova, R. P. (1983). *Dictionary of collocations equivalent to a word: adverbial, service, modal units*. Moscow: Russkiy Yazyk Publ. (In Russian).
- Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words*. Moscow: Azbukovnik Publ. (In Russian).
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.* Moscow: Russkiy Yazyk Publ. (In Russian).

Для цитирования:

Шмелева, Т. В. (2025). Аналитические наречия. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 58–68. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-58-68](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-58-68)

For citation:

Shmeleva, T. V. (2025). Analytical adverbs. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 58–68. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-58-68](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-58-68) (In Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ / SCIENTIFIC LIFE: CHRONICLE, REVIEWS

Русские неологизмы на поверхности языка: свежий срез

Рецензия на: Неология. Неография. 2024: сборник научных статей /
отв. ред. Н. В. Козловская; Институт лингвистических исследований РАН.
Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 224 с.

E. V. Osetrova

Russian neologisms on linguistic surface: fresh perspective

Review of: Neology. Neography. 2024: collection of scientific articles.

Ed. by N. V. Kozlovskaya; The Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: ILS RAS, 2025. 224 p.

E. V. Osetrova

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

E-mail: osetrova@yandex.ru

Материал поступил: 29.05.2025. Принят к печати: 25.06.2025.

Представлен обзор сборника научных статей «Неология. Неография. 2024», опубликованного в 2025 году Институтом лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН) в Санкт-Петербурге. Рассматривается пять тематических разделов сборника, подготовленного под редакцией Н. В. Козловской, а также отмечается, что авторы сборника демонстрируют сочетание академической строгости и владение новыми технологиями анализа языковой действительности. Лингвистическая специализация сборника обеспечивает всем предъявленным к обсуждению материалам очень высокую степень научной новизны, показывает живой процесс развития языка и знакомит читателей с эффективными инструментами его описания. Подчеркивается, что авторский коллектив сборника не ограничивается заполнением контурной карты неологической картины мира, но вносит вклад в методологию науки, применительно к теории неологии и неографии.

Ключевые слова: неологизмы, словообразование, неография, интернет-контент, ключевая ситуация года, слово года

УДК 811.161.1:81'373.43

Elena V. Osetrova – Dr. Sci. in Philology; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2894-2254

Received: 29.05.2025. Accepted for publication: 25.06.2025.

The review presents the collected volume of scholarly articles “Neology. Neography. 2024,” published in 2025 by the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (RAS) in St. Petersburg. In the review five thematic sections of the volume are being examined, edited by N. V. Kozlovskaya. It is worth noticing that the authors demonstrate a combination of academic rigor and proficiency with new technologies for analyzing linguistic reality. The linguistic specialization of the volume ensures a very high degree of scientific novelty for all the materials presented for discussion, showcases the dynamic process of language development, and introduces readers to effective tools for its description. It is emphasized that the authors do not limit themselves to outlining the neological picture of the world but also contribute to the methodology of science as applied to the theory of neology and neography.

Keywords: neologisms, word formation, neography, internet content, key situation of the year, word of the year

OECD: 6.02OY

V

В 2025 г. Институтом лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) выпущен сборник научных статей «Неология. Неография. 2024». Предисловие к сборнику написано Н. В. Козловской (она же редактор сборника), а статьи – участниками международной научно-практической конференции «Неология. Неография – 2024», состоявшейся в декабре 2024 г. и посвященной подведению языковых итогов года, теоретическим и практическим аспектам современной неологии и неографии; информация о конференции опубликована в предыдущем номере нашего журнала [Козловская, Павлова, 2025].

Издание объемом 224 страницы продолжает серию одноименных периодических сборников, выходивших в ИЛИ РАН в 1978–1997 гг., возобновленных в 2021 г., и таким образом, соединяя академическую традицию и новую методологию, предъявляет развернутый лингвистический «ответ» на вызовы цифровой эпохи; см., например, предыдущий сборник [Козловская, 2023].

Сборник включает пять тематических разделов.

Открывает его серия статей, авторы которых с разной степенью детализации и в разных аспектах обсуждают проблематику отечественной неографии. Н. В. Козловская и А. С. Павлова, представляя новостийный интернет-контент как безграничное пространство языковой активности, выделяют в нем несколько лексико-семантических полей («пандемия коронавируса», «специальная военная операция» и «общество») с подходящей почвой для развития неологических культур: имеются в виду лексемы, оформляющие новые варианты коронавируса (*флирт* и *дженни*), названия беспилотников (с компонентом *дрон*), обозначения не существовавших ранее имиджевых ролей (*квадробер* и *скуф*). Последние две лексемы, развившие высокую деривационную активность, оцениваются при этом как «ключевые слова» 2024 г. Подтверждают сказанное наблюдения В. А. Ефремова, который дополняет перечисленный выше список полей еще несколькими, особенно выделяя зону «искусственный интеллект» и маркирующую ее аббревиатуру *ИИ*.

Суждения М. Н. Приемышевой, естественным образом расширяющие неографическую проблематику, имеют по преимуществу теоретическую направленность, заставляя обратиться к методологии создания знаменитых ежегодных словарей «Новое в русской лексике» (1977–1994 гг.) – на фоне утверждающейся традиции «речевой» лексикографии. Автор выделяет в этой связи три направления: традиционное (описание разговорной лексики и фразеологии), коммуникативное (фиксирование дискурсивных единиц устной речи) и интернет-ориентированное, – апробированные во многих современных словарных проектах. В целом статьи первого содержательного блока демонстрируют преемственность отечественной неографии, опирающейся на достижения нескольких поколений российских лексикографов, и одновременно ее ощутимую адаптацию к социокультурной реальности.

Содержание второго раздела формируют исследования более локальные, если иметь в виду масштабы тех явлений, на которых сфокусировано внимание авторов статей и которые характеризуют языковую действительность 2020-х гг. Т. В. Шмелеву, например, интересует функционирование и семантическая

классификация диминутивов, давно преодолевших границы разговорной речи (*бабенка, неувязочка, денечек*) и ставших частью ежедневной речевой интернет-практики (*лайкосик, финалочка, обзорчик, топчик*). Ю. С. Ридецкая, подобным образом начиная лингвистический обзор с относительно «старых» номинаций, базовых для тематической группы «родительство», переходит затем к обсуждению новых лексикологических и фразеологических единиц, обогативших ее состав в последние 10–20 лет (*родители-вертолеты, мать-тигрица, яжеотец и отцы года*); отражая меняющийся набор ролевых характеристик и тиражируемых состояний взрослых членов семьи, подобные номинации активно пополняют неологический фонд русского языка. Отдельное внимание в разделе уделено распространенным в медийной речи конструкциям с атрибутом *диванный*, которые часто используют в новом переносном значении ‘дилетантский, обычательский’ (*диванный эксперт, диванолог* и др.) и реализуют все ту же готовность носителя языка оценить человека как узнаваемого участника ситуации (статья А. В. Батулиной).

Впрочем, неологический «взгляд» может быть сосредоточен не только на языковых субъектах, но с легкостью смешен на элементы объектной природы. Это в полной мере доказывают контексты, требующие появления на языковой поверхности тематически специализированной лексики: отмечается, в частности, популярность неологизмов, поддерживающих концепт здорового питания, конструируемых с помощью аффиксоидов *эко-* и *био-* и маркирующих полезность товара (статья В. А. Мельничук), а также пополнение активного словаря садоводов и «ботанических энтузиастов» новыми названиями растений или их саженцев; ср.: *горты, ириски и растюхи, растюшки* (статья О. А. Шарыкиной). Не будет преувеличением сказать, что упомянутые выше работы описывают живой язык переживаемой нами эпохи, помогая фиксировать происходящие в обществе разнородные процессы и трансформации.

В отдельный блок редакционный коллектив сборника посчитал необходимым выделить материалы, посвященные «Новому в русском словообразовании новейшего времени». З. И. Минеева сосредоточивает усилия на семантическом и словообразовательном анализе сложных слов – композитов, активно используемых в традиционных и цифровых медиа и сфере неофициального интернет-общения. Этот же сектор словосложения исследует Л. Л. Федорова, с той разницей, что ее прицельный интерес составляют модели с заимствованным англоязычным компонентом. Отдельную позицию занимает исследование Л. В. Рацибурской и К. В. Сергеевой, рассматривающих феномен графического словообразования в текстах цифровых медиа; разбирая многочисленные варианты использования шрифтов, регистров, комбинирования символов, авторы исчисляют их структурные типы и функции.

Раздел «Новое в лексике и фразеологии русского языка конца XX – начала XXI века» в аспекте содержательном невозможно соотнести с каким-то определенным тематическим полем, а значит, нужно быть готовым к калейдоскопическому восприятию. Впрочем, эта дискретность как способ подачи лингвистических сюжетов лишь «разжигает» научную любознательность. Так, исследование Л. А. Шестак посвящено неофициальным названиям различных

социально-политических реалий – стран, форм правления, лидеров, сообществ, профессий, видов досуга и пр., – многие из которых используются медиасубъектами как эвфемизмы либо знаки иронии; эти номинации образуют особый пласт окказионального словообразования, культивирование которого обнажает неисчерпаемый творческий потенциал языка. Е. Ю. Ваулина разрабатывает неологический источник в контексте, объединенном спортивной тематикой, давая читателю возможность ощутить, с одной стороны, динамичность словарей экстремальных и киберспортивных дисциплин, а с другой стороны, стабильность, но и открытость к новым влияниям языка футбола – «спорта № 1». А. С. Кулева рассказывает о новом в номинации растений: появление множества гибридов и изменение ботанических классификаций, когда, к примеру, в роде *Aстра* выделяется *Симфиотрихум*, приводит к тому, что научные названия растений входят сначала в речь любителей, а затем и в общую речь. Обратный процесс – детерминологизация, когда популярным растениям присваивают разговорные наименования с прикрепленной к ним обыденным сознанием пометой свойственности. Уточняют картину «флористического пространства» русского языка контуры одного из частных, но ярких фрагментов – колористического представления о лиле: Т. В. Сивова изучает его современный вариант в художественном, журналистском, рекламном дискурсах, описывая способы языковой презентации этого цвета и уточняя значение соответствующих цветообозначений. Интересна трактовка семантического поля молчания Ю. В. Николаевой, использующей материалы фразеологических словарей и Национального корпуса русского языка в диапазоне текстов XIX–XXI веков.

Наконец, особого внимания коллег-лексикографов заслуживает публикация Н. Д. Игнатьевой и В. М. Мокиенко, которую можно определить как концентрацию опыта – опыта работы над «Идеографическим словарем русской фразеологической неологии (1980-е – 2020-е гг.)». Повторимся, тематическое многообразие четвертого раздела впечатляет – от лексических единиц футбольного жаргона до «ботанических» номинаций, от фразеологизированной интерпретации молчания до реконструкции цветового концепта, – лишний раз подчеркивая антропоцентрическую направленность современной неологии.

Заключительный раздел, посвященный неологической проблематике начала XX века, как отмечает редактор сборника Н. В. Козловская, впервые в таком формате демонстрирует системный интерес лингвистов к пространству исторической неологии, представляя первые результаты масштабного научного проекта ИЛИ РАН по созданию академического словаря новых слов первой трети XX столетия (1910–1930-х гг.) и демонстрируя его методологическую и источниковедческую базу. Н. В. Козловская рассказывает о подходах к формированию словарника будущего словаря: извлечении из Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова более 1836 единиц с пометой «новое», их оцифровке и систематизации; анализе структуры неологического «поля» того периода – с особым вниманием к продуктивным словообразовательным моделям и «серийным» формантам начала XX века; оригинальной методике направленного поиска дополнительных единиц («добра») в цифровых базах данных и выявленных зонах неологической активности; прогнозировании этапов будущего лексикографического описания: составлении

конкорданса, отборе иллюстративных контекстов, подготовке примерных словарных статей. И. Е. Кузнецова предлагает дополнить базу проекта материалами специализированных, в том числе «военных» и «политических», словарей, появление которых стало отражением революционных сдвигов в структуре российского общества начала прошлого века. Еще две публикации, статья А. Р. Кулаковой, сосредоточившейся на рекламных текстах НЭПа, и детальный источниковедческий анализ Г. А. Кузнецова, вводящего в научный оборот «Заметки о лексиконе русской революции» Э. Мандра, так же целенаправленно развиваются названный проект.

По понятной причине лингвистическая специализация сборника обеспечивает всем предъявленным к обсуждению материалам очень высокую степень научной новизны. Фиксация и анализ неологизмов, появившиеся в 2023–2024 годах, придают изданию характер летописи современного русского языка. Многие авторы связывают всплески неологической активности с конкретными событиями и социальными процессами. Более того, эта взаимосвязь языка и общества буквально терминологизируется: В. А. Ефремов, используя понятие «ключевая ситуация года», не так давно предложенное А. Н. Сперанской, отсылает к социально значимым событиям / ситуациям, генерирующем волну новых слов. В обзорах 2024 г. к таковым отнесены, например, скандал вокруг субкультуры *квадроберов* и результаты выборов президента Д. Трампа в США, вызвавшие появление серии соответствующих неологических производных в русском языке. Подобные наблюдения естественным образом повышают актуальность и междисциплинарную ценность исследования.

Авторский коллектив сборника при этом не ограничивается заполнением контурной карты неологической картины мира, но вносит вклад в методологию науки, применительно к теории неологии и неографии. Статьи первого раздела неоднократно возвращают к проблеме определения статуса неологизма и критериев его выделения с отсылками к работам Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. Прослеживается, кроме того, стремление более четко понимать «порог новизны» слова, его границы в системе языка и речи: именно об этом рассуждает М. Н. Приемышева в контексте «речевой» лексикографии, предлагая пересмотреть масштабы этого объекта.

Отдельного упоминания заслуживают подходы к языковому материалу, а также масштабы их использования, когда достоверность выводов практически в каждом случае подтверждается впечатляющими по объему выборками, самыми разнообразными источниками и базами данных; имеются в виду НКРЯ, «Интегрум», Яндекс Вордстат, Google Books, лексикографические ресурсы «Академос» и Neolex, ставший современным инструментом практической неографии. В. А. Ефремов квалифицирует его появление как фактор кардинального изменения в методах поиска и описания неологизмов. Исследования, представленные в сборнике, показывают широкий функционал ресурса, который служит онлайн-карточкой новых слов, позволяет автоматически выявлять речевой «старт» единицы, прослеживать динамику ее употребления, деривационную активность, состав словообразующих компонентов, уточнять семантику и др. Это особенно видно в статьях, где описана работа с единицами, только входящими в языковую среду: исследователи формулируют их определения сразу по появлении слова, тем не менее достигая

оптимальной полноты описания, возможной на данном этапе. Подобный опыт, несомненно, ценен, поскольку проблема быстрого реагирования на новое слово актуальна для всех лингвистических сообществ. Итак, авторы сборника демонстрируют сочетание академической строгости и владение новыми технологиями анализа, что следует характеризовать исключительно положительно.

Сборник выступает в роли форума для обмена результатами исследований: под одной обложкой собраны работы разных авторов, представителей различных школ и подходов, что стимулирует научную дискуссию и сотрудничество: опыт, описанный в сборнике, несомненно, будет интересен и полезен международному сообществу неологов. Наконец, издание имеет и прикладное значение – опубликованные результаты могут быть использованы в научной и образовательной практике: для разработки частных баз данных, при составлении учебных словарей, подготовке материалов к курсам по лексикологии, обновления материалов в предметных областях РКИ и РКН.

Жанр рецензии предполагает наличие критической части, однако, в данном случае избежать ее позволяет высокий уровень представленных в сборнике работ. Все заявленные разделы содержательно полны, а через весь текст проходит единая идея: показать живой процесс развития языка и познакомить с эффективными инструментами его описания.

Можно рекомендовать сборник всем интересующимся современным языком – исследователям, преподавателям, издателям, широкой публике – как источник актуальной, профессионально обработанной и очень интересной информации.

Литература

Козловская, Н. В. (ред.). (2024). *Неология. Неография. 2023: сборник научных статей*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Козловская, Н. В., & Павлова, А. С. (2025). Международная научно-практическая конференция «Неология. Неография – 2024». *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(15), 103–110. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1\(15\)-103-110](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-103-110)

References

Kozlovskaya, N. V. (Ed.). (2024). *Neology. Neography. 2023: collection of scientific articles*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).

Kozlovskaya, N. V., & Pavlova, A. S. (2025). International scientific and practical conference “Neology. Neography – 2024”. *Verba. North-West linguistic journal*, 1(15), 103–110. [\(In Russian\).](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-1(15)-103-110)

Для цитирования:

Осетрова, Е. В. (2025). Русские неологизмы на поверхности языка: свежий срез. Рецензия на: Неология. Неография. 2024: сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Козловская; Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025. 224 с. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(16), 69–75. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2\(16\)-69-75](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-69-75)

For citation:

Osetrova, E. V. (2025). Russian neologisms on linguistic surface: fresh perspective. Review of: *Neology. Neography. 2024: collection of scientific articles*. Ed. by N. V. Kozlovskaya; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg: ILS RAS, 2025. 224 p. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(16), 69–75. [\(In Russian\).](https://doi.org/10.34680/VERBA-2025-2(16)-69-75)

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО